

Читайте:

4 Геннадий МАЙОРОВ: Призрак	14 Стукалкинские чтения: К. АВЕРКИЕВ, Е. КРУТИХИНА, А.КАРТАВЦЕВА, М. СЕМЕНКОВА
6 Мария МИХАЙЛОВА: Истаявший свет	16-22 Фестиваль «Капитан Грей»: Юлия ПАВЛОВА, Марина НУРИДЖАНОВА
9 Валерий ПРОТАСОВ: Миниатюры жизни	23 Виктор ЛИВЦОВ: Роман «Казнь»
10 Дорога в Арктику: В. Русанов - Гордость России	28 Денис ВОЛИН: Командировка на войну

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»

Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92

Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru

Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9

Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ

Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Вторая половина XIX века была золотым веком для русских литераторов. Никогда ни до, ни тем более после они не получали столько денег за свои писательские труды. Ко Льву Толстому за его «Севастопольские рассказы» и повесть «Казаки» слава пришла сразу, что позволило ему проявлять напор и прижимистость в переговорах с издателями. Так, с редактором «Русского вестника» он договорился за 200 рублей за печатный лист, хотя обычная расценка у журнала составляла 150 рублей за лист. (Источник: <https://www.culture.ru/materials/120037/gonorary-pisatelei-xix-veka>)

Но особенно обогатился Лев Толстой на «Войне и мире». Он продал журналу рукопись по 500 рублей за печатный лист – самый высокий известный гонорар в то время. Этот гонорар назначался помимо доходов с последующих продаж, от которых Толстой получал 10%. Для сравнения скажем, что Николай Лесков получал 120-150 рублей за печатный лист, Михаил Салтыков-Щедрин – 100-125 рублей, Фёдор Достоевский – 150 рублей (только под конец жизни он стал зарабатывать по 200-250 рублей с печатного листа). Самым высокооплачиваемым писателем долгое время был Иван Тургенев. До «Войны и мир» Льва Толстого он получал по 300-400 рублей за печатный лист.

Среди издателей Толстой приобрёл известность своим деловым подходом и хваткой. Он всегда требовал всего гонорара сразу и вперёд, иначе просто отказывался публиковаться.

С течением времени росла инфляция, и ставки за писательский труд росли. Так, в конце XIX века Антон Чехов зарабатывал уже по 600-700 рублей с печатного листа. Гонорары же самого Толстого выросли до 1000 рублей за лист. Что же касается среднегодовых доходов, то Тургенев получал в 50-60-е годы 19 века примерно 4000 рублей, Лесков – 2000, Чехов в конце XIX века – 3500 рублей (меньше 2000 в 60-е годы). Среднегодовые гонорары Льва Толстого к этому времени превысили 10 000 рублей.

Несмотря на наличие благоустроенных и хорошо управляемых поместий у Толстого или того же Тургенева, или врачебной практики у Чехова, основным доходом всех их было писательство.

Что можно было купить на тогдашние гонорары? Получив 25 000 рублей за «Войну и мир», Лев Толстой погасил долг за купленные им 4000 десятин земли. 4000 десятин – это чуть больше соответственного количества гектаров, или 40 квадратных километров земли. За гонорар с «Анны Карениной» (20 000 рублей в 1877 году) Лев Толстой купил дом в Москве (12 000 рублей), участок леса в Рязанской губернии (5000 рублей) и у него осталось ещё 3000 на всякого рода «мелкие» покупки, вроде брички, гарнитуров, сервизов и сигар. А 22 000 рублей за «Воскресение» в 1895 году стоили уже существенно меньше. За 12 000 в это время можно было купить лишь половину дома в Москве. 1 рубль в это время стоило ведро лучшего пива, 3 рубля – пара валенок...

№63' декабрь 2025

Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель:

РИФ «3-е ИЮЛЯ»

СООЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02

Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru

Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталья Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.12.2025 г. Выход в свет: с 01.12.2025 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа
«Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)

Заказ №63-НО+ Цена свободная
Фото из открытых источников

Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

*Пасмурный мартовский день,
придавленный насулленными
тёмными облаками,
подходил к концу.
Выпавший накануне снег
раскисал, превращаясь
в простудное месиво.
Небо продырявилось,
уныло заморосил
ситный дождь.*

Геннадий МАЙОРОВ

Захотелось в тепло, в домашний уют. Но в кармане лежали билеты в Михайловский замок. И – обещание супруге этот тоскливый понедельник посвятить экскурсиям по знаковым питерским местам. Музей Фаберже и Юсуповский дворец я ещё как-то выдержал, да и погода с утра не выглядела безнадежной. Но сейчас, в стремительно наползающих сумерках, когда окончательно промокли ноги на нечищенных питерских улицах, настроение не располагало к культурной программе.

Мы шли от Невского проспекта, утопая в грязи, а изморось не прекращалась. Два километра показались вечностью.

– Потерпи, – сочувственно выдохнула супруга, – зайдём в ближайшее кафе, согреемся глинтвейном.

В бесчисленных залах музея она приободрилась: ни усталости, ни переживаний по поводу уничтоженных дождём причёски и макияжа. Супруга без промедления растворилась в этой художественной галерее, не выпуская из рук фотоаппарата. Я же был несколько разочарован. После великолепия Павловского дворца, где хотя бы приблизительно воссоздали бытовую уклад прошлой жизни, что вызывало неподдельный интерес, от Михайловского замка я ожидал большего: он привлекал любителей живописи одними картинами на стенах, хотя и сами интерьеры были достойны восхищения. И всё же, бродя по просторным помещениям замка, я не мог сполна удовлетворить любопытство, и ловил себя на мысли, что ишу ту самую опочивальню императора Павла, где завершился его жизненный путь. Я очень много читал о несчастном суверене, чья биография подозрительно искажалась и тогда, когда заговорщики совершили своё чёрное дело, и позднее – на протяжении многих десятилетий. Особенно старались советские историки: какие только ярлыки они не навешивали на убиенного государя, без каких-то доказательных аргументов... И всё это лишь подогревало интерес к загадочной персоне, хотелось прикоснуться хотя бы к одной из тайн двухвековой давности.

Экскурсия уже подходила к концу, когда я приблизился к пожилой смотрительнице. Разговорились. Она посетовала, что много лет была экскурсоводом, защитила кандидатскую диссертацию по философии, а теперь на пенсии ей отведена роль всего лишь смотрящего за порядком.

Это был шанс. Неудовлетворённая своим нынешним положением научная дама, да ещё и с честолюбивыми амбициями, живо согласилась удовлетворить моё любопытство. Первым делом она твёрдо и даже, я бы сказал, укоризненно, с некоей обидой начала исправлять мои неверные исторические познания, сетуя на множество погрешностей в путеводителях и учебниках. Я решил подыграть:

– Вы столько знаете! Нам об этом никто не рассказывал.

– И не узнаете, – скривилась смотрительница. – Столь-

ко лет у нас скрывается вся кому-то неуютная правда...

– И это странно, – вяло возмутился я. – Например, спальня, где убили императора, как я слышал, долгие годы на ремонте. А ведь могли бы приличные деньги зарабатывать, если бы её открыли. Вот, например, в Юсуповском дворце даже комнату создали с восковыми фигурами заговорщиков, планировавших убийство Распутина. И народ валом валит...

– Я тоже многого не понимаю. Ну да ладно, не моего ума это дело.

– И всё же я бы хотел, чтобы вы мне рассказали про спальню императора...

Смотрительница вдруг лукаво улыбнулась и показала на потолок.

– Видите, там остались следы от потайной лестницы. В ходе реставрации её удалось обнаружить. Лестница находилась между спальней и библиотекой. Она служила для свиданий императора с фавориткой Анной Гагариной. До сих пор в Михайловском замке идут споры о том, восстанавливать или нет уникальное сооружение...

– А место, откуда проникли в спальню императора заговорщики, тоже не сохранилась?

Смотрительница пристально посмотрела на меня: я, видимо, внушал ей доверие – и решительно вынула из кармана ключ.

– Вот здесь современная дверь, за которой и находится винтовая каменная лестница, ведущая в покои Павла.

– Позвольте хоть одним глазком заглянуть вглубь истории, – взмолился я.

– Что вы, что вы, – испуганно, но не настолько, чтобы запахло трагизмом, ответила смотрительница, – меня же могут уволить за это нарушение.

– Умоляю, скоро закрытие экскурсий. Я быстренько, только одно фото сделаю...

Мне показалось, что она дрогнула. В крайнем случае, я решительно был готов упасть на колени: такой шанс упускать никак нельзя.

– Хорошо, – ещё раз оглянувшись, прошептала дама и повернула ключ в замочном проёме.

Она буквально впихнула меня за дверь. Я оказался на крошечной площадке между первым и вторым этажами. Глаза быстро привыкли к полутьме. Едва я сделал два снимка, как сверху раздался тихий, но отчётливый голос:

– Кто здесь?

Нервный озноб опалил мне спину, окатил жаром. Тут же из-за поворота лестницы появилась дрожащая рука с подсвечником: колеблющийся свет выхватил из темноты лицо, знакомое по множеству портретов. Павел? Не может быть!

– Я не сделаю вам ничего плохого. Я друг! – неожиданно вырвалось у меня из груди.

Оглянувшись, я не увидел двери, через которую меня впустила смотрительница: ровная кирпичная кладка закрывала всю стену, нигде ни единой трещинки. Что за наваждение?

– А где моя охрана? – вещал сверху окрепший голос. – И я вас что-то не могу признать...

– Я, ваше величество, заблудился...

– Странная на вас одежда... И причёска...

Рука с подсвечником пыталась высветить незнакомца с головы до ног. Немного успокоившись и не видя агрессии с моей стороны, император, тем не менее, поостерегся полностью выйти на лестницу из своей спальни:

– Не могли бы вы, милостивый государь, спуститься вниз и узнать, куда запропастилась моя охрана...

Внизу послышался шум. Рука с подсвечником моментально исчезла. Минуту спустя на узкой лестнице, тяжело дыша, словно загнанные потные лошади, появились люди в военной форме. Не обращая на меня никакого внимания они, высекая шпорами на каменных ступенях искры, устремились вверх. Некоторые по ходу обнажали шпаги.

Вскоре крики и ругань растворились в полной темноте. Павел и его незваные гости исчезли. В зловещей тишине громко хрустнул ключ в замочной скважине. Дверь распахнулась, и смотрительница поманила меня пальцем:

– Выходите скорей.

Приглядевшись, она добавила:

– Ну и видок у вас! Не крысы ли, случаем, вас напугали?

– Если бы крысы... Я, кажется, видел... его!

Смотрительница заулыбалась:

– Вот и вы поддались суевериям. Тут многих пугают легендами о том, что призрак убитого императора Павла бродит по коридорам замка в темноте. Когда посетители уходят, он даже развлекается, поскрипывая паркетом или передёргивая занавески. А то и вселяется в какой-нибудь портрет, передразнивая оригинал. Некоторые даже видят свет от сияния свечи, которую дух Павла несёт перед собой... А ещё особо восприимчивым даже мерещится флажолет – лёгкий, мягкий звук, извлекаемый на струнных инструментах, слушать который любил при жизни император.

Существует поверье, что каждый год в день своей смерти Павел стоит у окна спальни и смотрит вниз. Считает прохожих... уходит только когда увидит сорок седьмого, душу которого в этот день забирает с собой...

– Постойте, а какое сегодня число?

– Двадцать третье марта.

– Именно одиннадцатого марта по старому стилю ночью убили императора. Стало быть, я стал свидетелем...

– Экий вы впечатлительный! Никто не мог бы спасти императора. Павел был обречён с самого начала, когда стал отодвигать прочь всех фаворитов и приближённых своей матери Екатерины Второй. Он остался совершенно один, даже семья потакала заговорщикам.

– Я понимаю, что дорвавшись до власти, Павел слишком резко повёл борьбу с казнокрадами, коих оказалось несметное число. Я где-то читал, что многие фавориты Екатерины Второй и другие крупные чиновники попали в опалу. Император разошёлся не на шутку, стал самым унижительным образом наказывать дворян. Заговорщики, страшась за своё незавидное будущее, горели желанием сменить царя на более покладистого.

– Добавьте сюда и подозрения в британском пособничестве заговору. Англичане были очень недовольны раз-

рывом отношений с Россией и её союзом с Наполеоном...

Смотрительница вернулась в свой опустевший зал, осмотрелась и добавила тихим голосом:

– Замечу, что строительство Михайловского дворца обошлось казне в семь миллионов рублей. А любовнице английского посла Уитворта Ольге Жеребцовой заплатили два миллиона, чтобы она подогрела заговорщиков...

– Говорят, что если бы Павел остался жить, он не допустил бы войны с Францией и вообще умиротворил бы Европу. Как вы думаете?

– Я вполне допускаю, что при всей своей взбалмошности и непоследовательности Павел смог бы укрепить внешнюю политику России. Но, как видим, далеко не всем это нравилось...

– Меня удивляет, что только через сто лет после убийства Павла факт насильственной смерти императора династия Романовых признает только в 1901 году. До этого момента официальной версией случившегося в 1801 году была такая, что Павел Первый умер естественной смертью от инсульта.

– Его ведь не просто убили, но и лишили тех заслуг и почестей, которые полагаются членам царской семьи. А главное – Россия потеряла возможность развиваться по пути прогресса и стала отставать в своём развитии от европейских стран. Я в этом глубоко убеждена...

Историю, конечно же, всегда пишут победители. Для сокрытия истинных причин смерти монарха был придуман образ психически ненормального, болезненного, вспыльчивого и крайне опасного для государства и других стран человека... И почему-то никто не вспоминает, что Павел Петрович, получил хорошее образование. Был любознательным и способным человеком. В совершенстве знал восемь иностранных языков, увлекался живописью и искусством. Прекрасно освоил математику, астрономию, фортификацию, архитектуру, навигацию.

– Да, печально, что история России соткана из нескончаемой череды дворцовых переворотов...

– Ну где ты пропал, дорогой? – за спиной раздался голос супруги. – Я уже почти дважды обошла все залы, а ты здесь, оказывается... Что у тебя за вид такой – напуганный. Пойдём, музей уже закрывается. А я же обещала отогреть тебя глинтвейном...

Мы вышли на улицу. Было тихо. Даже на водной глади Фонтанки ни единой морщинки.

– Я закажу такси, а то ты весь дрожишь, как бы не заболел, – супруга достала телефон, сделала шаг в сторону.

– А вы, я так полагаю, охрану мою так и не нашли? – хриплый голос заставил меня поднять глаза. Передо мной в домашнем халате с потушенным подсвечником в правой руке стоял император Павел. – Они ведь приходили меня убивать, а не подписывать отречение от престола... Никому нельзя доверять. Неблагодарные люди...

– А вот и такси, – заулыбалась супруга, подхватывая меня под локоток. – Пошли быстрее, а то я начинаю замерзать.

Я успел обернуться. Моего собеседника и след простыл.

– С кем это ты сейчас беседовал? Я уже подумала, божьей какой-то прицепился, денег просил...

– Если бы так! Я сегодня побывал в прошлом...

– Я тоже получила большое удовольствие от экскурсии, – вздохнула, прильнув к моему плечу, супруга.

– А ты знаешь, что сегодня ночь смерти императора Павла Первого, у которого мы были в гостях и который меня провожал?

– Не пугай меня, милый. Ты сейчас сам выглядишь как призрак императора. Поехали-ка лучше в кафе, согреемся...

Мария МИХАЙЛОВА

Мария Викторовна Михайлова — филолог, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, автор более 500 научных работ. Сфера интересов — женское литературное творчество, «реабилитация» произведений забытых и незамеченных авторов первой половины XX века. С её предисловиями изданы книги А. Мирэ, Е. Нагродской, Н. Никандрова, Е. Чурикова, М. Криницкого и др. Специализируется также в области истории литературной критики, театра и драматургии. Прозу начала писать недавно. Рассказ «Потерянная корзинка» (под псевдонимом Анна Морева) занял второе место на конкурсе короткого рассказа 2024 («Бунинские Озерки»).

Устаивший свет

Я всегда любила бывать в этом доме. Какой это был замечательный дом! Какие застолья! Какие разговоры! Сразу понимаешь, что оказываешься среди интеллигентных людей. Они и читают, и на выставки ходят. А самое главное – за столом собирается большая семья. Меня больше всего это грело. Я-то рано потеряла своих родителей.

Сначала мама ушла. А потом отец. И как-то это случилось всё быстро, зимой. Мне четырнадцать лет. Я в седьмом классе. У меня нелады с учительницей русского языка. Ошибки делаю, хотя много читаю. А вот на тебе: не могу уследить. И мама как-то незаметно заболела. Сначала одышка, потом ноги стали отекают. А потом раз – и сердце остановилось. И ведь совсем немного лет ей было. Чуть больше сорока... А вслед за нею и отец стал хиреть. Но он тянул долго... Кашлял и курил, курил и кашлял. Как ни зайду к нему в комнату – там дымно, хотя он и выходил на балкон, чтобы курить там. А потом пневмония за пневмонией, одна за другой. И тоже...

Но я уже в медучилище поступила. На фельдшера. А потом и работать пошла. Так что почти взрослая и самостоятельная. Справлялась как-то. Тем более что две тётки имелись. Меня стерегли. Каждый вечер звонили: то одна, то другая. Выспрашивала как да что... Поэтому было не страшно. Но страшно одиноко. Я как-то не умею сближаться с людьми. Приветлива со всеми. Но нужен близкий человек, чтобы я раскрылась.

А вот в этом доме я преобразалась. Сама не знаю почему. Просто менялась. Сама себя не узнавала. И весело, и интересно мне было. И разговор могла поддержать. Стесняться переставала. Звали часто: я ведь соседкой по подъезду была. Квартира этого семейства была на седьмом этаже, а моя – на третьем. Я даже не очень помню, хорошо ли были они знакомы с моими родителями. Наверное, да. Но позвали меня к себе они, только когда осталась одна. Как-то в лифте оказалась вместе с Фёдором Николаевичем (имя-отчество как-то запомнилось – здоровалась при встрече), и он меня позвал на воскресный обед. Вот так запросто. Сказал, что по воскресеньям они всегда собираются, и он угощает тем, что готовит сам. Тем, что готовили во времена его детства на Кавказе. «Вы такая худенькая, что Вам очень полезно будет подкормиться», – добавил, улыбнувшись. Он, конечно, знал, что я живу одна. Почему-то показалось, что он как-то очень хитро улыбнулся. Чувствовалось, что его привлекает молодость и что он совсем не равнодушен к хорошеньким девушкам.

Так я оказалась в этой большой квартире в первый раз.

Потом бывала там почти регулярно. Не каждое воскресенье, конечно. Но раз в месяц обязательно. И Фёдор Николаевич даже показал мне свой кабинет. Это была комната, где на каждой поверхности громоздились книги и бумаги, бумаги и книги. Огромный письменный стол тоже был весь завален бумагами. Как он в этом разбирался – ума не приложу. Но, кажется, Фёдор Николаевич не испытывал никакого смущения. Он был уверен, что так и должно быть у учёного. А может, весь погружённый в работу, и не видел этого окружающего хаоса вовсе. Только пианино было свободно от продуктов научной жизнедеятельности. И вот почему. После окончания домашнего банкета Фёдор Николаевич всех созывал к себе в кабинет, открывал крышку, делал торжественную паузу и... бросал руки на клавиши. Однако раздавались звуки не какой-нибудь классической сонаты или баркароллы, а всего-навсего пикантной песенки двадцатых годов «Шумит ночной Марсель...» А поскольку гости тоже заранее знали этот сценарий, то с готовностью подхватывали. И нестройный хор голосов пел про матросов, которые потягивают в при-tone эль и становятся свидетелями кровавой сцены. Были в квартире ещё какие-то комнаты, но что скрывалось там, меня не очень занимало...

Очень мне нравились эти застолья. Во главе стола – хозяин дома. Крупный учёный, строитель Фёдор Николаевич. Говорил в основном он. Ещё бы, повидал невероятно много! За границу стал ездить с 50-х годов, когда таких случаев были единицы. И какие страны! Голландия, Англия, США. Просто невероятно. Конечно, внимали, открыв рты, задавали вопросы, что-то уточняли... Мне казалось, что он никогда не повторялся, каждый раз находя какой-то новый сюжет, новый поворот даже в уже рассказанной истории. Было ему уже немало лет, но бодр, подтянут. А всё потому, что привёз из Индии какой-то небывалый набор упражнений. И каждое утро час занимается.

За столом всегда собиралось человек двенадцать, не меньше. У Фёдора Николаевича были братья. Они приходили с жёнами. Иногда с повзрослевшими детьми. Обязательно всегда бывал сын с женой и дочерью. Время от времени приезжала сестра. Лица менялись. Я не всех успевала запомнить, потому что иногда бывали и сослуживцы. Порой, правда редко, появлялась очень привлекательная молодая женщина, которая немного смущённо улыбалась и не всегда поддерживала разговор. Она была почти моей ровесницей, может, слегка постарше. Я была уверена, что это то ли сотрудница Фёдора Николаевича, то ли его аспирантка...

Но один человек присутствовал всегда непременно. И эта

фигура меня очень занимала. Я как замороженная смотрела на эту старую женщину, сидевшую прямо и почти неподвижно в кресле с какой-то необыкновенно высокой спинкой и облезлыми подлокотниками, бывшими когда-то бархатными. Она, как мне кажется, никогда не произносила ни слова. Молча подбирала какие-то кусочки с тарелки, на которую ей клали, не спрашивая, еду, как-то по-паучьи при этом двигая высохшими ручками. У неё было абсолютно белое лицо. И это была не бледность старого человека, а какой-то немислимый слой белой пудры, который превращал лицо в маску. На нём выделялись только небольшие мутноватые глаза, утонувшие в розовых веках без ресниц. Взгляд их был неловим. Казалось, что она ни на кого и не смотрела, погрузившись в какие-то свои думы. Мне в ней виделся какой-то персонаж из прочитанных книг: я всегда много, с упоением читала и любила находить в жизни дублирование книжных образов. То она мне напоминала старую леди из диккенсовских «Больших надежд». Но ту окружала какая-то прошлая роскошь. А здесь всё время выпирало что-то убогое, пергаментное, иссохшее и совсем пустое. То казалась незримой бабушкой из пьесы Андреева «Анфиса», которую я видела в «Современнике».

Она никогда не оживлялась, была всегда спокойна и как-то отстранённо бесстрашна. Не реагировала даже тогда, когда наступал кульминационный момент застолья: сам Фёдор Николаевич, надев фартук, вносил в столовую противень с дымящимися кусочками мяса, обложенными печёной айвой и поджаренными луковичками. Так ли это блюдо выглядело во времена его детства – не знаю, но сейчас оно распространяло невиданные ароматы, ибо было приправлено кавказскими специями и травами. Оно ставилось в центр стола. И каждому разрешалось выбрать понравившийся кусок. Вкусно было неопишимо. Казалось бы, все знали этот ритуал, но каждый раз с энтузиазмом и аплодисментами встречали появляющегося в дверях столовой Фёдора Николаевича.

Но на Нонну Викентьевну (я откуда-то всё же узнала её имя, а также то, что она являлась женой Фёдора Николаевича) это не производило ни малейшего впечатления. На неё, кроме меня, по-моему, никто и не обращал особого внимания, не следил за её реакцией. К ней не обращались ни с какими словами. Вокруг неё существовало какое-то незримое пространство молчания, сквозь которое никто не стремился проникнуть. Она же могла встрепенуться один или два раза за всё время сидения за столом, неожиданно вперив немигающий взгляд в ту молодую женщину, о которой я упомянула выше. Она смотрела, как мне казалось, пристально и в то же время не видя. Какова была реакция той – я не знаю, поскольку всегда сидела наискосок и видела её только вполоборота.

Фигура старухи меня просто гипнотизировала. И это было единственным негативным моментом всех этих встреч. А самое главное – я не могла объяснить, почему мне было так неприятно присутствие этой дряхлой дамы. В том, что она была очень старой, я как-то ни минуты не сомневалась. Думаю, что ей было далеко за восемьдесят. И это веяние смерти среди беззаботности и веселья действовало на меня очень отрезвляюще, разрушало ту атмосферу, которая так меня привлекала, собственно ради которой я и ходила туда – ведь по-настоящему я ни с кем из соседей не сблизилась, выделяла только Фёдора Николаевича. Но, видимо, такое

действие присутствие Нонны Викентьевны оказывало только на меня одну, поскольку в остальных я не замечала ни недовольства, ни напряжения. И ещё меня поражало, что я никогда не слышала от неё ни одного обращения к мужу. Ни «спасибо», ни «пожалуйста», ни «дай мне это...», то есть даже таких необходимых слов не произносилось... Он для неё как бы не существовал. Впрочем, как и она для него...

Так продолжалось года два-три. Я даже успела поступить в медицинский институт на вечернее отделение. Хотя довольно быстро разочаровалась в своих способностях быть врачом. Нет, училась я хорошо. Мне было интересно, а вот общение с больными, практика доставляли мне много горя. И не потому, что не могла выстроить с больными отношений, а как раз наоборот – так проникалась их горестями и болячками, что они не выходили у меня из головы... Хорошо, что работала в поликлинике, где очень тяжёлых больных не бывало...

Но моё медицинское образование мне всё же пригодилось, когда однажды ночью раздался звонок в мою дверь. Слабый. Неровный. А когда я её открыла, едва успев накинуть халат, увидела растерянного Фёдора Николаевича, знаками зовущего меня идти за им. Он будто онемел. Я сразу поняла, что случилось... И правда, в комнате, куда я никогда не заглядывала (дверь туда из столовой всегда была плотно затворена), на полу лежала Нонна Викентьевна.

— Её надо поднять, положить туда... – Фёдор Николаевич махнул рукой в сторону почти девичьей узенькой кровати. В комнате было полутемно. Только в углу перед иконой горела лампада. И свет проникал из столовой. Почему-то в голову не пришло повернуть выключатель... Но мне всё же удалось мельком разглядеть красивую горку с посудой, туалетный столик с баночками и склянками. Сразу подумалось, что попала словно на полвека назад. Всё было каким-то несовременным, нездешним. И стоял странный запах: пудры и какого-то то ли едкого растения, то ли духов.

Поднять Нонну Викентьевну оказалось делом простым: ведь и муж её был, несмотря на свою молодцеватость, далеко не молод. А я была совсем не спортивна. С огромным трудом, как-то подхватив под мышки, волоча ногами по дорожке, мы подтянули тело к кровати и даже запрокинули на неё, прикрыв каким-то куском ткани, который оказался под рукой. Её ночная рубашка всё время задиралась, открывая обвисшее старое тело.

Я-то уже поняла, что это только тело. А вот до Фёдора Николаевича случившееся дошло не сразу. Он был растерян. Но не испуган. Испуг наступил позже, когда он, вглядевшись в неживое лицо жены, вдруг понял и прошептал: «Как же так?! Как?» Он наклонился к ней ближе, опять всмотрелся, потом присел на краешек кровати и стал как-то нервно встряхивать голову, словно отгоняя назойливую мысль. Мне пришлось взять его за руку и насильно усадить на стул, стоявший у кровати. Стул был венский, с изогнутой спинкой, лёгкими ножками. Он стал поскрипывать под тяжестью Фёдора Николаевича, потому что тот начал на нём раскачиваться, потом резко остановился и почти вскрикнул: «Вот так же лежала она здесь, только отвернувшись к стене... Тогда...»

Хотел ли он мне рассказать то, что рассказал в ту ночь? Понимал ли, что произносит слова вслух, или на самом деле они звучали у него в голове? Я не смогу точно воспроизве-

сти его рассказ, потому что ни на минуту не забывала, что рядом со мною покойница, что надо звонить в скорую, оповещать милицию... Но всё же не могла не вслушиваться в его монотонную речь. Фёдор Николаевич произносил слова без каких-либо модуляций, никак ничего не выделяя. Не было в них ни надрыва, ни раскаяния...

«Они с Сашей приехали из эвакуации сразу же, как только можно было вернуться в Москву. Я их отослал, когда стало ясно, что немцы могут Москву занять. Так что мы не виделись почти три года... А за это время случилось такое, в чём я до сих пор не могу дать себе отчёта: я влюбился. Да так, что вообще не понимал, на каком свете нахожусь. Я ничего не видел, ничего не осознавал, не замечал войны, выполнял невероятно трудные задания. Но всё было как в тумане. Я вставал и ложился с одной мыслью: «Мила! Мила! Милая моя!» Как только выдавалась возможность, я летел к ней на работу. Провожал до дома, караулил её после театра, куда она шла с подругами. Не было минуты, чтобы я не думал о ней... Всё остальное я делал механически и делал очень хорошо. Но моя душа ни на минуту не соприкасалась с тем, что я делаю. Работал мозг. А сердце разрывалось на части. А теперь она ждала ребёнка. И это было ужасно, потому что я понимал, что, пойдя я на разрыв с семьёй, на моей карьере придётся поставить крест. Такого не простит высокое начальство. Такие вещи пресекались тогда на корню. Но я был готов к этому. Теплилась надежда, что, поскольку я являюсь очень нужным работником, на моём счету научные открытия, простят, не будут гнობить, преследовать, распинать... Поэтому важно было рассказать обо всём Нонне. Я решил не затягивать, проговорить всё сразу. Едва она вошла в квартиру, разделась, как я отослал Сашу и приехавшую с ними нашу домработницу Зою и увел её к себе. Но только я начал говорить, как она меня остановила. Создалось впечатление, что она всё поняла ещё до моего сбивчивого рассказа, до моего признания. «Ты хочешь уйти?» – только и вымолвила она. И сама же ответила: «Уходи!» Резко развернулась и пошла к себе. Вот в эту самую комнату...

У меня будто гора упала с плеч. Неужели? Неужели так легко всё обошлось? Детали мы, конечно, обсудим, она и сын ни в чём не будут нуждаться. Я сумею всё устроить наилучшим образом. Я был почти счастлив, хотел бежать к Миле, всё ей рассказать, начать строить планы. Но понял, что меня просто разорвёт от счастья, что надо успокоиться, перевести дух. Я остался дома. Но сидел над рукописью как дурак, ничего не видя и не понимая...

На следующий день Нонна не вышла из своей комнаты. Но так как распорядок дня был отлажен и Зоя знала свои обязанности, всё пошло обычным образом. Сашу надо было устраивать в школу, налаживать быт. Я спокойно ушёл на работу. А вечером всё же решил вернуться пораньше, чтобы начать улаживать формальности. Меня встретила встревоженная Зоя, сказавшая, что Нонна Викентьевна лежит не раздеваясь, не встаёт, ничего не ела, только попросила поставить рядом кувшин с водой...

Так начался ад. Нонна всерьёз решила расстаться с жизнью. Причём самым жесточайшим образом: отказавшись принимать пищу. Она не отвечала ни на какие вопросы, не реагировала ни на какие уговоры. Я пытался ей что-то объяснить, обещал, что не брошу её и сына, буду всегда рядом, по первому зову приду на помощь... Она лежала отвернувшись, не плакала, не отвечала... Казалось, что она уже умер-

ла. Приходил сын. Тоже просил её поесть... Но всё оставалось по-прежнему. И она меня победила. Я сдался. Я понял, что не смогу допустить, чтобы она выполнила намеченное. А в серьёзности её намерений я всё более убеждался. Она проявила такую силу, такое упрямство, которое я никогда в ней не подозревал, хотя она всегда была женщиной твёрдой и последовательной.

После этого всё в моей личной жизни пошло наперекосяк. Родилась дочь. Нонна разрешила дать ей мою фамилию – девочка не стала незаконнорожденной. А спустя двадцать лет разрешила ей приходить в наш дом. Эта та самая молодая женщина, на которую Вы всегда смотрели с вниманием... Со временем отношения с Милой тоже разладились. Вернее, я оставался приходящим отцом и мужем. Но и она затаила в себе обиду: ведь получалось, что я её обманул, наобещав с три короба. Характер её, и так очень тяжёлый, вконец испортился, она закатывала истерики, скандалы, попрекала... А я? Я продолжал её любить. Такую любовь вытравить не удавалось. Мне почему-то потом вспоминалось, будто что-то Нонна всё же произнесла в тот первый вечер, что не сразу она ушла к себе, а сказала, что не буду я счастлив, что измучает меня моя любовь. Но, может, мне это только кажется сейчас, что уже тогда она предрекла мне это горькое поражение...

И вот с тех пор она никогда так со мной и не заговорила. Стал я для неё никем. Пустым местом. Но и лишиться она его не захотела. Зачем? Почему? Так любила меня? Боялась потерять положение? Для меня это так и осталось загадкой. Но то, что она ещё почти тридцать лет прожила рядом, ни разу не пожелав хоть что-то восстановить между нами, меня вводит в ужас. А может, она просто хотела спасти меня, чтобы не растоптала меня «общественность», чтобы не вызывали на партком, не чехвостили, дали бы состояться как учёному... Не знаю. А теперь и никогда не узнаю. А как учёный я состоялся на все сто.

Фёдор Николаевич говорил медленно, растягивая слова, как бы пытаясь дать себе отчёт, почему эта высохшая старая женщина приобрела над ним такую власть.

Я слушала молча. Просто не знала, что надо сказать в таком случае, как реагировать. Одно поняла: надо действовать, ибо Фёдор Николаевич мне сейчас не помощник. В общем позвонила, куда надо, обо всём договорилась. И пробыла рядом с ним ещё до утра, когда началась суэта, стали приходит люди.

А дальше всё пошло, как и полагается. Но я уже об этом только догадывалась, так как не смогла себя заставить пойти на прощание и поминки... Почему-то у меня пропало желание приходить в этот дом, в эту квартиру. Как будто эта молчаливая старая женщина всё равно что-то скрепляла в этой семье. Как разбитая, но удачно склеенная чашка ещё может удерживать воду. Но вот она раскололась – и вода вытекла. Холодность и молчание Нонны Викентьевны, как это ни странно, будто обогревали собирающихся за столом. Я даже думаю, что и эти семейные обеды делались на самом деле для неё, чтобы оставалась нить, связующая её с этим миром. И Фёдор Николаевич шутил и балагурил тоже для неё, а не для нас. Она помнила его таким, молодым, весёлым. И таким он хотел для неё оставаться. Я даже теперь думаю, что её лицо было не бесцветно-белым, как мне казалось, а светлым, светящимся памятью о прошлом...

МИНИАТЮРЫ ЖИЗНИ

Валерий ПРОТАСОВ

ПУТЬ МЫСЛИ

То, что мы принимаем за наши самостоятельные, возникшие по случайному поводу мысли, на самом деле есть вспыхнувшее звено в цепочке непрерывающихся диалогов и полилогов нашего сознания, похожих на зародыши несозревших плодов. Им ещё не настало время обрести форму. Но вот миг настал, кожура каштана лопнула – и округлый красивый орех вышел наружу, как цыплёнок из яйца. Он имеет форму живого существа, отдельного от других, но сколько сил участвовало в его зарождении и появлении на свет! Так и наша самостоятельная мысль, стоящая отдельно от других, тоже есть продолжение невидимых процессов текучего всеединства природы в области тонких материй. Бесконечный цикл вопросов и ответов, догадок и умолчаний, обретающий в какое-то мгновение смысл, внутри и позади которого длинный путь превращений.

ЧУДО САМОЦВЕТНОЕ

Я всегда чувствовал, а позднее и стал понимать, что присутствием духа творится в человеке всё высшее и лучшее, что не мог бы сотворить один ум. Всё определяется в человеке творческим действием и содержанием духа. Он задаёт и тон, и мелодию речи, и то необъяснимое действие, которое заключено в его словах. Это верно во всех видах словесной деятельности: и поэзии, и прозы, и философии, и красноречии, и научной работы. Без присутствия духа ничто не живо в самых высокоумных рассуждениях, и, наоборот, в самых простых словах, наполненных духом, светится то, что придаёт всему и обаяние, и убедительность, и красоту.

ЗВЁЗДЫ И ВСЕЛЕННЫЕ

Любознательные ищут признаки жизни на других планетах и в других Вселенных. Им мало Земли. Испортили дом, данный нам, чтобы мы сделали из него райский сад – и теперь ищем новое место, чтобы превратить его в подобие Земли. И всё бесполезно. Никакой внесемной жизни нет. Нас восемь миллиардов, и в каждом заключена целая вселенная. Нас столько, сколько звёзд в небе. Все вселенные, все звёзды и планеты – в нас.

СЛОВО О БУНИНЕ

Уже несколько дней не даёт мне покоя мысль написать несколько слов о Бунине. Как всякое отложенное желание, оно напоминает о себе чем-то похожим на угрызения совести. Мог бы сказать добрые слова о прошедшем яркой звездой по горизонту моей жизни человеке, но почему-то медлю. Отчасти потому, что многое и главное уже сказано. Есть у меня и очерки, и заметки и два неплохих рассказа о нём. Он был самобытен, не имел прямых учителей, никому не подражал, не шёл ни по чьим следам. Откуда же такой рождённый словно из почвы и воздуха слог? У него были и есть ученики и подражатели, за ним школа. Он же вырос сам из себя и из благодатной почвы русской литературы.

Все они ученики, он же – Мастер. До него никто не писал таким слогом, пропитанным всею страстью, кровью сердца и

соком мозга о жизни, о любви и смерти. Не было у нас такого волшебника стиля. По особой теплоте, тембру голоса его не спутаешь ни с кем из современников. Не было такого стиля, потому что не было такого писателя до него. Не умаляя никого из спутников, можно сказать, что он был на волне великой литературы Серебряного века.

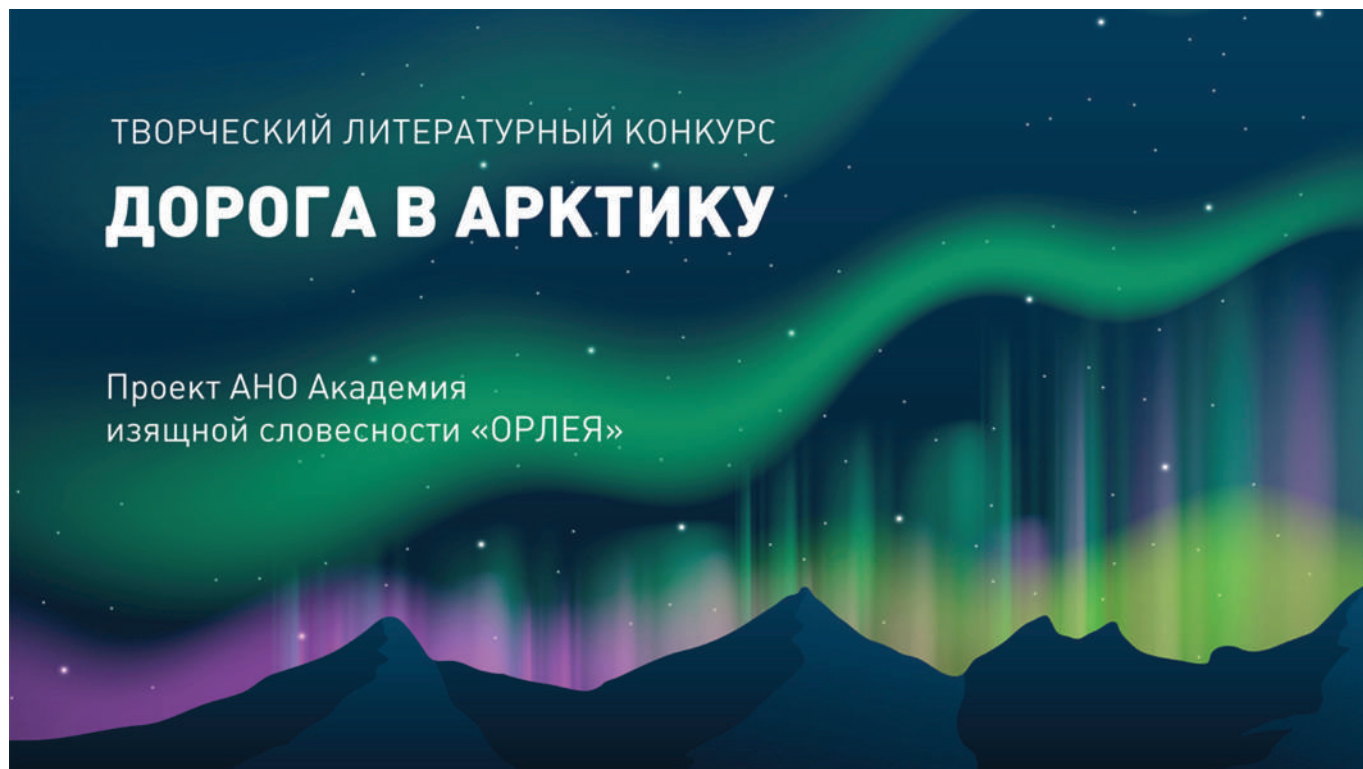
Между тем, ещё при жизни у него были недоброжелатели. Что, впрочем, вполне ожидаемо. Кто обошёлся без наветов коллег, «псевдодрузей» и открытых недругов? Так, З. Гиппиус называла его «не писателем, а «описателем», лишённым всякого сочувствия к тому, о чём повествовало его перо. Это при предельной чувственности, влюблённости в жизнь, чуткости к трагизму жизни (проявление высокомерного петербургского снобизма). Поразительная глухота, чёрствость сердца! Во всём, о чём он пишет, трепещет живое чувство сопереживания.

Вот читаю воспоминания о нём других его современников, людей с именами и талантами. Они интересны, но это впечатления со стороны, ни в одном нет настоящего Бунина. Никто не знал его лучше, чем он сам себя. И никто не сказал с такой острой проникновенной нежностью и болью о жизни. Он был рядом и далеко. Как это возможно? Таково свойство многих людей. Они не могут чувствовать и сопереживать так, как живущий вместе с ними гений. В воспоминаниях он холодный, академичный, отстранённый от жизни замкнутый на себе, равнодушный к другим олимпиец. Капризный, желчный и прочее. Но какое отношение это имеет к тому, что выходило из-под пера как автора рассказов о деревне, любовных новелл, очерков о Востоке «Храм Солнца»? Да и в желчных своих заметках о коллегах, и в «Окаянных днях» он пророк с огненным обличительным жезлом.

Конечно, кому бог на уши наступил, того не переделать. Да и сам Бунин свою долю признания получил и на земле и на небе. Но в защите, как и каждый живой, а также и покинувший этот свет человек, всё же нуждается. И сочувственные слова о близком мне по духу человеке я сказать обязан. Так мы перекликаемся на расстоянии времени.

ЛАРИСА АНДЕРСЕН

Прочитал в Дзене очерк о совершенно мне доселе неизвестной Ларисе Андерсен, красавице, поэтессе и танцовщице из Харбина. Чудесные самобытные стихи уровня «Серебряного века». Первая русская эмиграция. Многие имена мы даже не знаем. Защемило сердце. Море цветов, белых хризантем на их могилах, которые могли бы быть в родной земле, а покоящиеся в них люди стали бы гордостью России. Как жаль наших соотечественников Первой эмиграции! Это была настоящая Россия, которую мы потеряли. Они бы никогда не бросили Родину добровольно, были бы верными сыновьями и дочерьми её в годину испытаний. Лучший драгоценный материал! Спасибо за то, что их тени сохранились хотя бы в памяти истории. Как всё-таки жестока жизнь, не разбирающая правых и виноватых, плохих и хороших! Сколько талантов, ярких личностей исчезли из нашей жизни!

Гордость России

В Орле отметили 150-летие со дня рождения Владимира Русанова — известного геолога, полярника и исследователя Арктики. Праздничные мероприятия прошли 14 и 15 ноября, объединив учёных, краеведов, литераторов и всех, кому небезразлична судьба Владимира Русанова.

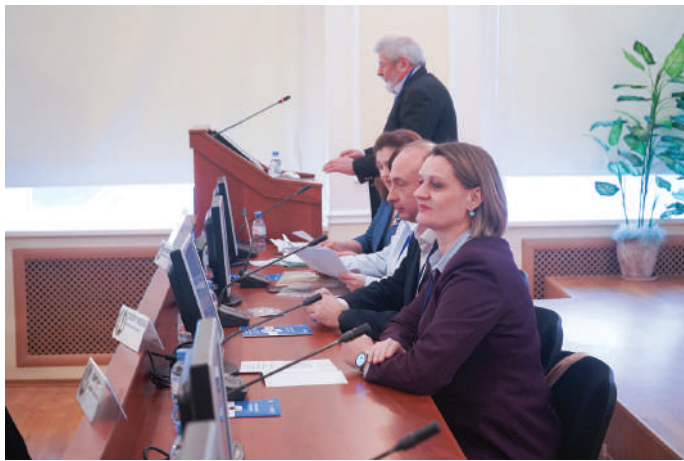
Вначале состоялась Всероссийская научная конференция, посвящённая сохранению и популяризации наследия Русанова. Руководитель Департамента культуры Орловской области Георгиева Н.П. провела церемонию награждения медалями имени Русанова.

В школе № 51 была открыта «Парта РГО».

После возложения цветов к бюсту полярника в мемориальном Доме-музее имени В.А. Русанова была организована экскурсия для гостей и прошла церемония гашения марки, выпущенной вместе с почтовой карточкой к юбилею Русанова.

Также была открыта выставка «В поисках неизведанных земель», организованная совместно с Российским государственным музеем Арктики и Антарктики г. Санкт-Петербурга, и прошло награждение победителей III этапа Всероссийского творческого конкурса «Дорога в Арктику», организованного Академией изящной словесности «Орлея».

Медаль Русанова

15 ноября 2025 года, в день 150-летия со дня рождения выдающегося геолога и полярного исследователя Владимира Александровича Русанова, в Доме-музее его имени состоялось торжественное открытие выставки «В поисках неизведанных земель». Это совместный проект Российского государственного музея Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург) и Орловского краеведческого музея, посвящённый геологической деятельности В.А. Русанова на архипелаге Новая Земля.

Владимир Русанов за свою короткую жизнь (всего 37 лет) совершил пять экспедиций в Арктику, открыл залежи угля на Шпицбергене, закрепил право России на их использование, впервые пересёк Новую Землю по суше и достиг Баренцева моря. Он стал первым русским учёным, обошедшим вокруг Северного и Южного островов Новой Земли, составил карту архипелага, обнаружил отступление ледников и собрал ценный материал о геологическом строении региона. Русанов занимался изучением поверхностных течений, метеорологических и гидрографических наблюдениями, положив начало многим направлениям в исследовании полярных окраин России.

На выставке были представлены уникальные экспонаты: карты Новой Земли, фотографии экспедиций В.А. Русанова, геологические образцы, а также живописные работы его проводника и друга – ненца Тыко Вылки, человека Арктики с глубоким художественным взглядом на окружающий мир.

Церемония открытия прошла в тёплой атмосфере, собрав представителей власти, научного сообщества, музеев и гостей. С приветственными словами выступили: Сергей Михайлович Косарев, заместитель руководителя Департамента культуры Орловской области, начальник управления по туризму и музейно-выставочной деятельности, заместитель председателя организационного комитета по празднованию 150-летия В.А. Русанова; Михаил Георгиевич Малахов, председатель Рязанского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», Герой России; Олег Петрович Кошелев, заместитель председателя Орловского областного Совета народных депутатов, председатель комитета по образованию, спорту, культуре и туризму, член организационного комитета по празднованию 150-летия В.А. Русанова; Владимир Владимирович Матвеев, председатель Орловского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество», который передал Дому-музею уникальное издание трудов В.А. Русанова 1945 года; Дмитрий Александрович Моисеев, директор Орловского краеведческого музея; Наталья Викторовна Петрова, директор Российского государственного музея Арктики и Антарктики; Ирина Владимировна Иванова, заведующая сектором экспозиционно-просветительской деятельности Печорского историко-краеведческого музея имени Петра Ивановича Терентьева.

Одним из ключевых моментов стало награждение медалью В.А. Русанова, учреждённой указом губернатора Орловской области А.Е. Клычкова от 31 января 2025 года. Медаль вручается за вклад в изучение, сохранение и популяризацию наследия Русанова, заслуги в географии, геологии, этнографии, краеведении, освоении полярных регионов и организации экспедиций.

Награды удостоились: коллектив федерального государственного бюджетного учреждения «Российский государственный музей Арктики и Антарктики» (награду приняла

директор Наталья Викторовна Петрова); Валерий Петрович Абашин, член Орловского клуба путешественников «Русь»; Сергей Васильевич Благодетелев, член Орловского клуба путешественников «Русь»; Наталия Михайловна Елизарова, генеральный директор автономной некоммерческой организации «Академия изящной словесности «Орля»; Владимир Ильич Куприн, участник экспедиции Орловского клуба путешественников «Русь».

СТУКАЛИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Константин АВЕРКИЕВ

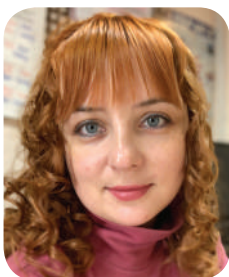
Родился в городе Ташкенте Узбекской ССР. Писать стихи начал в школьные годы, печатался в местных журналах. Автор нескольких поэм, романа в стихах, лауреат и дипломант литературных конкурсов. Живёт в с. Новая Усмань Воронежской области.

УТОЧКИ

Отвлеклись от дел
на минуточку.
Приглядиись, пострел –
там ведь уточки.
Вдоль по реченьке
тихой стайкою.
Дай им хлебушка
мелкой пайкою!
За ночь речка вся
льдами тонкими.
Только полынья
перепонками.

Чтоб мороз прогнать,
лапки трудятся.
Торят речки гладь
птички утицы.
В зиму отчий край
не покинули.
Ты им помогай,
чтоб не сгнули.
Сотвори добро
прямо туточки!
Не прервут свой род
божья уточки.

Екатерина КРУТИХИНА

В школьные годы лауреат пермского конкурса «Золотое перо». Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса» и альманахе «Образ». Один из авторов сборника стихов «Непутёвые вириши». Живёт в Новосибирске.

* * *

Мне нынче песню воробьёнок спел.
Быть может, он совсем не так умел,
как соловей и прочий певчий вид,
но в этом-то и прелесть воробья,
что прост совсем. Такой хочу быть я.
А ведь могу. Никто не запретит.

Анастасия КАРТАВЦЕВА

*Родилась в г. Ельце, в настоящее время живёт в Таиланде.
Автор сборника стихов «Огонь – это я!». Призёр конкурса «Русский Гофман».*

KISS

*«Мы с тобой никогда не напишем о берёзе,
как те, у кого она за окном. Мы напишем по-другому»
Ирина Чуднова (из личных разговоров)*

Уезжала легко. В ярких днях не ждала ностальгий.
Есть дела поважней, чем страданья по дальним берёзам.
Но берёзы стоят, согреваясь в объятьях других,
кто любил их поболее меня в суете перекрёстков.

Ни одной сигареты не скурено с прошлой весны,
самочувствие лучше, от западных туч ни слезинки.
Только сны достают, деспотичные властные сны,
прицепились к зашивку. Считай – поводок на резинке.

В них я – прежняя, преданный маленький лис,
не прирученный принцем. Сама себе голос и эхо.
У берёзы курю бесконечные тонкие «Kiss»,
мёрзну в тонком пальто и хочу поскорее уехать.

Маргарита СЕМЕНКОВА

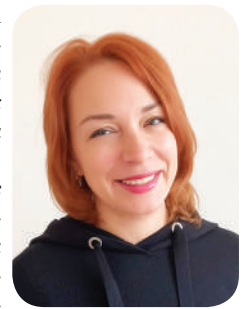
Родилась в Твери. В 2013 году окончила ТГУ по специальности «Государственное и муниципальное управление». С 2014 года – сотрудник Министерства финансов Тверской области. Первые сохранившиеся строки датированы 2002 годом. Лауреат и победитель конкурсов: «Привет, поэт!» (Тверь), «На благо Родины» (г. Санкт-Петербург), «Дорогами нашей Победы. 1941–1945» (г. Самара), «Берега дружбы» им. Л.Ю. Севера (г. Ростов), «Литературная карусель» (г. Москва), «Мне бы крылья!» памяти Бориса Котова (г. Усмань).

MAME

Я лунный камень храню у сердца –
подарок мамин, душой согреться.
Мерцают звезды в белёсых гранях,
и боль потери почти не ранит.
Проходят годы... Десяток минул,
как мамин голос мой мир покинул.
В разлуке вечной (прибрало небо)
бесчеловечна тоска, и слепо
в снегу апреля ищу просветы
почти неделю... Жду первоцветы.
Тебе дарила, твой день в апреле
лишь лунный камень со мной разделит.

Юлия ПАВЛОВА
 Родилась в Ленинграде, но большую часть своей жизни провела за Полярным кругом, в Мурманске. Профессиональная деятельность Юлии связана с дошкольным образованием, и этот опыт вдохновляет её на создание ярких и увлекательных произведений для детей. Она активно пишет пьесы, стихи и рассказы, наполняя их теплотой, волшебством и мудростью, которую передаёт юным читателям. Совсем недавно Юлия решила расширить свои горизонты и попробовать себя в литературе для взрослой аудитории. Она пишет о сложных человеческих отношениях, чувствах и поступках, которые влияют на судьбы людей. Юлия Павлова – победитель литературного конкурса «Традиция», победитель конкурса коротких рассказов в жанре городское фэнтези издательского сервиса Rideró в номинации «Выбор Rideró», публиковалась в журналах «Час культуры» и «Ёрш».

ОСЕНЬ

Всё лето Маргарита Васильевна говорила себе, что больше не случится этого никогда, но сегодня она надевает лакированные туфли, новый приталенный плащ цвета кофе с молоком, подкрашивает губы, кладёт в изящную дамскую сумочку ключи, кошелек, белоснежный платочек, телефон и направляется в школу.

Первое сентября наступило неожиданно быстро. Ещё вчера были море, горячий песок, штрудель с яблоками и травяной чай в курортном кафе, а сегодня — первое сентября: букеты, юбочки и банты, пиджачки и галстучки, мамы на каблуках и серьёзные отцы, плачущие брелками ключей разномастных авто.

— Пааап, ты вообще видишь, что снимаешь? — хорошенькая девочка-куколка с огромным букетом нежных кремовых роз, обиженно надув губки, выговаривает отцу. — Ты видишь, ног нет у меня, нормально можешь сфоткать, с ногами?

— Да нормально фоткаю я, давай, вставай, мне на работу бежать!

Видно, что отцу мешает новый пиджак. Держа телефон в руке, горе-фотограф то и дело двигает плечами вперёд, как будто пытаясь растянуть ненавистную пиджачную ткань. Наконец он не выдерживает, бубнит, скорей всего матом, и бросает дочери, позирующей для фотографии:

— Ща, погоди, Нат, пиджак этот чёртов сниму, — и, зажав подбородком телефон, глядя исподлобья на дочь, неуклюже стягивает пиджак, зачем-то зажимает его между коленок, берёт телефон в руку, нервно начинает водить пальцем по экрану, пытаясь, по всей видимости, снять блокировку.

— Паа-паа, боже! — девочка-куколка закатывает глаза, обречённо опускает букет и решительно направляется к отцу.

— Дима, Дима, где ты? Что ты копаешься? — дамочка в деловом костюме истеричными нотами вызывает к мальчишке-подростку, прячущему лицо в недрах длинной чёлки, — вон твои! Тамара Валентиновна, — дамочка машет рукой, вытягиваясь в струну и поднимаясь на носки, — Тамара Валентиновнаа! Мы здесь! — она опять обращает внимание на мальчишку и видит, что тот, закинув рюкзак на одно плечо, направляется совершенно в другую сторону. — Дима, ты куда? Куда ты пошёл-то?! Тамара Валентиновна, — оглядываясь, кричит дамочка, — мы сейчас!

Мальчишка делает вид, что не слышит. Он вразвалку идёт к компании ребят, как две капли воды похожих на него самого: такие же вызывающе-небрежные, лохматые, одетые исключительно в чёрное. Завидя мальчишку, ребята начинают гоготать, приветственно поднимая руки вверх:

— Димос! Здоров! Чё-как, норм? — компания хлопывает Димоса по плечам, он окунается в общее радостное настроение и, кажется, напрочь забывает о дамочке на каблуках.

— Олесья, иди к нам, — машут грудастые девицы в коротких юбках своей подруге. Их одноклассники, прыщавые мелкие пацаны, хихикая, разглядывают оформившихся и до неузнаваемости изменившихся за лето девочек, отпуская скабрезные шуточки. Девицы же исподтишка поглядывают на старшеклассников, то и дело поправляя юбки и новенькие белые блузы. До мелких хихикающих пацанов девочкам совершенно нет никакого дела.

Разношёрстная толпа учеников, родителей и учителей гудит, как улей. Радостно встречают одноклассники друг друга, взволнованно ждут начала торжественной линейки родители, по-деловому сверяют списки учителя.

Всё-таки особенный день — первое сентября.

Маргарита Васильевна наблюдает. Она стоит немного в стороне, облокотившись о дерево рябины, красные ягоды-брошки которой рисуют на баннерах и открытках, посвящённых началу учебного года, и во все глаза смотрит на происходящее около школы.

В стороне от всех на заборе сидит мальчик: рюкзак на плечах, костюмчик тщательно выглажен. Яркий алый галстук контрастирует с бледным худеньким личиком. Мальчик то и дело поправляет большие очки, сползающие с остренького конопатого носика. К мальчику подходит молодая учительница. В руках у неё огромная пёстрая охапка букетов.

— Ярик, ты чего один здесь? Пойдём к ребятам, все собрались уже, — учительница берёт мальчика за руку, тот подчиняется, бредёт чуть позади, опустив голову вниз. Учительница оглядывается.

— Случилось что-нибудь? Где мама твоя?

Маргарите Васильевне слышен их разговор. Она знает и Ярика, и молодую учительницу.

— А мама уехала, — произносит Ярик, глядя в землю и пиная мелкие камушки поизносившейся кроссовкой с болтающимися шнурками, — с Андреем. Я с бабушкой живу теперь. Она в мае ещё уехала.

— Как уехала? С каким Андреем? — учительница останавливается. — Как с бабушкой? — присаживается на корточки перед Яриком. Учительница хмурится, и, похоже, Маргарите Васильевне известно почему: придётся подавать сведения, составлять акты, заполнять бумаги, навещать, контролировать и т.д. и т.п. Молодая учительница будто стыдится своих мыслей, улыбается и как можно ласковее обращается к Ярику:

— А бабушка где, Ярик? Почему она не пришла?

Ярик ещё ниже опускает голову:

— Ей на работу к девяти. Она работает теперь. Надо же как-то кормить меня... одевать вот, — он со злобой дёргает галстук, слёзы катятся из-под очков, переливаясь на солнце маленькими кристалликами.

— Не плачь. Придумаем что-нибудь, — учительница садится на корточки, прижимает Ярика, пытаясь таким образом,

наверное, успокоить больше себя, чем его. Ярик этого не знает и с готовностью ныряет в раскрытые мягкие женские объятия. В шею ему втыкаются стебли роскошных букетов, но он этого не чувствует, а жадно вдыхает аромат духов молодой учительницы и думает о том, что у его мамы духи пахнут так же. Ярик начинает плакать сильнее, отчего тонкая блузка учительницы мокнет на плече и становится совсем прозрачной.

Маргарита Васильевна вздыхает и переводит взгляд на обособленно стоящую на крыльце школы небольшую группу: кругленький мужчина с заметной лысиной, прикрытой реденькими остатками волос, и трое дам «постбальзаковского возраста», как для себя определяет таких женщин Маргарита Васильевна. Сама Маргарита Васильевна тоже далеко не молодая и тремя месяцами ранее вышла на пенсию. Да и на торжественной линейке Маргарита Васильевна не присутствует (и не стоит рядом с постбальзаковскими) исключительно по причине увольнения на пенсию.

Тем временем, на крыльце всё чаще поглядывают на часы и всё больше переминаются с ноги на ногу. «Нервничают», — думает Маргарита Васильевна. Интерес к происходящему у дверей школы, сначала незначительный, теперь уже не даёт возможности стоять так далеко, и Маргарита Васильевна решительно направляется к крыльцу, улыбаясь и бросая направо налево «здравствуйте». Она останавливается немного сбоку, стараясь остаться незамеченной бывшими коллегами, но те, кажется, ни на кого не обращают внимания. Они явно чем-то озабочены.

— Может, позвонить? — кругленький глядит снизу вверх на одну из серьёзных постбальзаковских. Та выше него на полторы головы и смотрит сверху вниз, медленно поправляя средним пальцем очки на носу. Этот жест почему-то кажется Маргарите Васильевне неприятным: то ли из-за того, что очки ползут от кончика носа до начала переносицы слишком медленно, то ли потому, что продемонстрирован средний палец. Мужчина отводит взгляд, проводит руками по лысеющей голове, видно, что действия постбальзаковской ему тоже не по душе.

— Николай Петрович, — тон высокой особенный: такой, какой бывает только у начальников, отработавших и отшлифовавших многолетнее умение ставить на место своих подчинённых, не повышая при этом голоса, — Вы когда-нибудь пытались сначала подумать (многозначительная пауза), а потом озвучивать свои мысли?.. Вы... куда собираетесь звонить? Ему... на мобильный?.. — пауза, прищуривание глаз, наклон головы вбок, — или куда? Куда. Вы. Только что. Хотели. Позвонить?

Последнее произнесено так, будто на каждое слово приходится удар. Постбальзаковские обе сразу, как сговорившись, отводят взгляд от высокой. Кажется, что обращается сейчас высокая не к Николаю Петровичу, а к каждому из них по отдельности и после каждого рубленого слова и постбальзаковские, и Николай Петрович словно по команде одновременно всё больше и больше вжимают головы в плечи.

— Ну... не знаю, — откашлявшись, Николай Петрович продолжает, чуть повысив голос для храбрости, — сколько ждать-то? Полчаса, как начать должны были! Может, и не приедут они... А приедут — дадим слово. Рок-группа ждёт, жонглёров пригласили, по часам же им платим! Светлана Марковна, давайте начнём уже, — он наконец осмеливается посмотреть на Светлану Марковну, и, так как смотрит Николай Петрович снизу вверх, взгляд получается каким-то просительным-собачьим и одновременно жалким. Маргарита Васильевна прямо-таки чувствует, что Николай Петрович становится сам

себе противен. Она понимает, что тот злится, когда он продолжает, повысив голос до несвойственных ему децибел:

— Нас человек триста ждут, Светлана Марковна! — Николай Петрович выпрямляется, выпитив вперёд круглый животик. — Совесть же надо какую-то иметь, это люди всё-таки... дети, — он делает руками круг, демонстрируя масштаб бедствия.

— Люди? — Светлана Марковна чуть наклоняет голову и таращится на бедного Николая Петровича, — это, по-вашему, люди, Николай Петрович? — Светлана Марковна повторяет круг руками, но так как росту она знатного, то попадает одной из постбальзаковских прямоком по голове, та испуганно отпрыгивает для безопасности в сторону и неуклюже поправляет свежесделанную укладку. Светлана Марковна не может не знать, что задела постбальзаковскую, но в её сторону не смотрит, а продолжает, сверля взглядом Николая Петровича: — Это прежде всего избиратели, Николай Петрович! Избиратели! А перед избирателями хочет выступить Он, — Светлана Марковна поднимает вверх указательный палец. Стоявшие на крыльце, воздев взор к небесам, невольно следят за пальцем, будто бы Он должен спуститься к ним именно оттуда. — Почему простых вещей вы не понимаете, Николай Петрович? Почему всегда объяснять вам надо всё? Может быть, пора замену вам уже найти? Как-то не справляетесь вы, Николай Петрович, с возложенной на вас ответственностью! Не справляетесь.

На крыльце все замолкают. Николай Петрович, видимо, решает не вступать в полемику, отходит от группы и делает вид, что поправляет микрофоны, а Светлана Марковна моментально теряет интерес к словесно распятому Николаю Петровичу и переключается на обсуждение праздничного оформления пришкольного пространства.

Тем временем к школе практически бесшумно подъезжает белый внедорожник и из него стремительно выходит длинноногая девица в модных брюках палатки и с планшетом в руках. Она протискивается сквозь нарядную толпу, легко взбегает на крыльцо, уверенным быстрым шагом подходит к группе во главе со Светланой Марковной.

— Ну что, готовы? — она улыбается, глядя на группу, но при этом успеваешь ещё и оценивающе осмотреться.

— Ой, Леночка, заждались уже! — Светлана Марковна расцветает, протягивает к Леночке руки, хватается за тоненькую ухоженную кисть как за спасательный трос. — А Он-то где? Мы вот и не начинаем! Ждём, — Светлана Марковна чуть наклоняется к Леночке, а та высвобождает ручку, всё ещё улыбаясь, и достаёт из кармана широких штанов пачку влажных салфеток.

— Я сегодня вместо Него, — тщательно вытирая каждый хрупкий пальчик влажной салфеткой, говорит Леночка и суёт салфетку в ладонь оторопевшей от её действий Светланы Марковны.

Брезгливо глянув на салфетку, Светлана Марковна передаёт её постбальзаковской и зло цедит сквозь зубы:

— Ну, вот и славно! — резко отворачивается от противно-приторной улыбочки Леночки, ищет кого-то взглядом и напряжённо выкрикивает: — Николай Петрович, начинаем!

Тут же перед школой начинает бурлить шумная толпа. Классы выстраиваются полукругом, приглашённые артисты группируются около крыльца, из колонок грохочут фанфары. Двое старшеклассников с противоположных сторон импровизированной сцены пафосно подходят к микрофонам и провозглашают начало торжественной линейки.

Маргарита Васильевна очень хочет быть сейчас в гуще событий, быть частью такой знакомой ей школьной жизни, и слушать на крыльце высокую Светлану Марковну, несмотря на то, что «при исполнении» та становится довольно непри-

ятной особой, и хочет как-то защитить и Николая Петровича от выпадов Светланы Марковны, и саму Светлану Марковну от самовлюблённой брезгливой Леночки.

Но увы... в жизни Маргариты Васильевны наступила неожиданная осень.

Осень приходит как-то вдруг. Как первое сентября. Смотришь на календарь — и вроде бы далеко: ещё июнь, а потом июль, а потом двадцать пятое августа, а потом — бах! — и первое сразу.

Вот и в жизни так. Кажется, есть ещё время: замуж, учиться, лететь, желать, страдать, а потом — раз... и кажется, поздно... пришла уже она, осень.

Маргарита Васильевна даже не заметила, как пролетело время: студенческая весна сменилась долгим трудовым летом, которое, думалось, будет длиться вечно: звонки, уроки, экзамены, проверки, каникулы, отпуск... и так по кругу. В какой-то момент школа стала не просто частью жизни Маргариты Васильевны, а поглотила её жизнь целиком. Кроме своих детей у Маргариты Васильевны были ещё дети — ученики. И за них Маргарита Васильевна беспокоилась порой даже больше, чем за своих. Готовилась к экзаменам и конкурсам, переживала неудачи и радовалась победам, звонила родителям и получала грамоты от начальства.

Когда вершины были взяты, олимпиады выиграны, категории получены, Светлана Марковна предложила Маргарите Васильевне должность директора. Она согласилась и опять переживала, просила, проходила проверки, договаривалась с подрядчиками, выигрывала гранты и вдруг в какой-то момент поняла, что у неё больше не осталось сил.

Откровение пришло, когда в окно светило майское солнце и весёлые воробушки, чувствуя приближение тепла, чирикают и смешно хлопают крылышками, резво скакали с ветки на ветку. Именно в то беззаботно-прекрасное утро, подойдя к зеркалу, Маргарита Васильевна увидела потухшие глаза, осунувшееся лицо, опустившиеся уголки губ. И подумала: «Вот так и выглядит настоящая осень». Не та мимолётная, когда ещё качаются на ветру похожие на золотые монетки листья осины, горят на клумбах шапки георгинов, и бордовые кленовые листья парашютами планируют с длинноруких веток, а настоящая — дождливая, хмурая, холодная осень с пустыми серыми глазами-лужами и почерневшими стеблями когда-то зелёных кустов. Именно в этот момент показалось Маргарите Васильевне, что если сегодня она не напишет заявление, то унылая осень останется с ней навсегда. И не будет больше ни радости побед, ни переживаний за детей, ни воодушевления, ни триумфа, ни волнения — ничего не будет. А останется с ней только пустота. И осень бесконечно будет лить серым холодным дождём.

И она ушла. Не завершив учебный год, не дождавшись экзаменов. Сделала то, что ещё несколько лет назад считала бы для себя настоящим преступлением.

Поначалу звонили коллеги, рассказывали школьные сплетни, сокрушались и убеждённо провозглашали, что без неё, Маргариты Васильевны, всё встанет, что такого директора больше не будет, и не будет при новом никакого порядка, и что плакали теперь все ремонты и все гранты.

Время шло. Звонки стали реже, разговоры короче, а к сентябрю почти никто не звонил и новости школьные не рассказывал, да и ей особо с коллегами делиться уже было нечем.

Маргарита Васильевна чудесно съездила к морю, потом на дачу, посвежела, похорошела, обзавелась новым увлечением — вязанием крючком, новыми знакомыми — любителями огорода и крючка. Почти убедила себя в том, что жизнь на пенсии

— лучше и быть не может, но сегодня, первого сентября, проснувшись утром, поняла, что её с непреодолимой силой снова тянет в школу.

И вот она стоит здесь и не может уйти.

Линейка заканчивается достаточно быстро.

Всё так же обезоруживающе улыбаясь, Леночка поздравляет всех с началом учебного года, рассказывает о новостройках и нововведениях, подчеркнув заслугу тогтокто не приехал (указательный палец вверх), приглашает на грядущие выборы, понадеявшись на правильный выбор избирателей (акцент на слово правильный и указательный палец вверх), выступают жонглёры и рок-группа (парни в чёрном трясут чёлками и мячиками отскакивают от земли), Светлана Марковна обещает лучшие знания в лучшей школе, а потом звенит звонок.

Уже уставшие от долгого ожидания ученики устремляются в классы, такие же уставшие родители кидаются к машинам.

Маргарита Васильевна стоит и смотрит на окно своего кабинета, на стол, который был ею передвинут к окну и за который садится незнакомая стройная женщина средних лет. Женщина по-хозяйски поправляет монитор моноблока, бывший когда-то её, Маргариты Васильевны, моноблоком, придвигает её, Маргариты Васильевны, стул и берёт в руки оранжевую папку, купленную и подписанную Маргаритой Васильевной.

На мгновение кажется Маргарите Васильевне, что это она сидит за своим столом, держит папку с документами и как будто бы даже знает, что будет дальше: что войдёт сейчас в кабинет Светлана Марковна с двумя постбальзаковскими, и что она, Маргарита Васильевна, сразу же разволнуется и станет доставать из книжного шкафа коробки с конфетами и купленный специально для таких случаев чайный сервиз из тончайшего китайского фарфора.

Маргарита Васильевна закрывает глаза, трёт кончиками пальцев лоб, отгоняя видение, и тут дверь кабинета вправду распахивается. На мгновение Маргарита Васильевна напрягается, но, вопреки её болезненным ожиданиям, в кабинет входит не Светлана Марковна, а Николай Петрович. Он садится. Женщина откладывает папку и что-то ему выговаривает, бурно жестикулируя, то и дело трогая причёску, обхватывая пряди большим и указательным пальцами. Видно, что Николаю Петровичу разговор не по душе. Он держится. Молчит.

«Интересно, — думает Маргарита Васильевна, — надолго его хватит? Сегодня, да и вообще...» Видеть когда-то бравого, подтянутого Николая Петровича, пришедшего в школу совсем молоденьким учителем, который после Афгана поступил в педагогический и окончил его с красным дипломом, теперь осенне-унылым и как бы поломанным для Маргариты Васильевны больно и неприятно.

Она отворачивается и сразу натывается взглядом на Ярика. Он бредёт, как перед началом линейки, когда его вела за руку молодая учительница, опустив голову. Галстука на Ярике нет, алый его кончик высовывается из кармана штанов, а волосы, с утра вымытые и аккуратно причёсанные, торчат в разные стороны.

— Ярик, — зовёт его Маргарита Васильевна прежним, «директорским» голосом, — подойди-ка сюда.

Ярик её узнаёт, сразу вытаскивает руки из карманов, тут же засовывает обратно, демонстрируя полную независимость, идёт навстречу.

— Здрасьте, — на ходу проговаривает Ярик, — вы же директор наш, да? А чего вас на линейке не было? Я вас не видел! Вы чего тут?

Маргарита Васильевна задумывается: и действительно,

почему она не подошла к коллегам? Поздоровалась бы, поговорила, может быть, даже посплетничала грешным делом... Вместо этого она, Маргарита Васильевна, бывший директор, нынешний пенсионер, простояла, наблюдая, как часовой на посту, несколько часов.

— Ты мне, Ярик, вот что скажи, — прерывает свои же размышления Маргарита Васильевна, — почему мамы твоей не было сегодня с тобой?

Ярику очень хочется тут же заплакать, но вместо этого он сопит и бубнит, опять глядя в землю:

— Уехала она. В Петрозаводск. Муж у неё новый, к нему поехали.

— А ты? — Маргарита Васильевна ладонью поднимает подбородок Ярика вверх так, что он вынужден посмотреть на неё. Глаза Ярика, которые через линзы очков кажутся ещё больше, чем есть на самом деле, предательски наливаются слезами.

— Не взяли меня, — шепчет Ярик и начинает плакать. Он опускает голову, снимает очки, вытирает слёзы рукавом, размазывая их по щекам.

Маргарита Васильевна достаёт из сумочки белоснежный носовой платок, протягивает Ярику.

— Звонил ей?

Ярик кивает, хлопает носом.

— Приедет, сказала, а я трубку со злости бросил, — он снова усиленно начинает размазывать слёзы, — не хочу говорить с ней! Предательница!

— Номер скажи мне, — Маргарита Васильевна выуживает телефон из сумочки и начинает набирать номер, который Ярик диктует по памяти.

Маргарита Васильевна говорит с Яриковой мамой тем самым «директорским» голосом, которым звала Ярика к себе. Голосом, которым умела пресекать, отдавать распоряжения, требовать и добиваться невозможного. «Директорский» голос никогда не подводил Маргариту Васильевну, наоборот — выручал в самых безвыходных ситуациях. Умением разговаривать Маргарита Васильевна по праву гордилась, но с момента выхода на пенсию, «директорским» голосом не пользовалась, да и не нужен он оказался в обычной жизни.

И теперь, говоря с Яриковой мамой, Маргарита Васильевна, вправду сказать, боится, что не поможет её «директорский» голос, потому что не директор она теперь вовсе, а самозванка, врунья и лжена начальник. Однако Ярикова мама Маргариту Васильевну слушает не перебивая, а потом начинает плакать в трубку и, хлопая носом совсем как Ярик, рассказывает Маргарите Васильевне всё.

Рассказ получается долгий. Видимо, наболело у Яриковой мамы, нарвало, да и вырвалось наружу. По словам её оказалось, что и не бросала она Ярика вовсе, что влюбилась по уши, и мужчина этот, Андрей, полюбил её тоже, только были у него в Петрозаводске двое маленьких детей, и, уезжая на вахту, оставлял он их с няней, которая была этим детям совершенно чужая, только выхода другого у Андрея не было. А бабушке Яриковой вся эта история, естественно, не нравилась, из-за этого поругались мама с бабушкой «вусмерть». Бабушка обещала в полицию заявить на маму Ярикову, если та Ярика увезёт, ну и, «вы же понимаете как женщина», надо было жизнь личную как-то устроить. Вот и договорились кое-как мама с бабушкой о том, что поедет пока мама с Андреем, а Ярик здесь останется на месяц-два, а в сентябре в школу пойдёт уже в Петрозаводске. Только ничего не вышло, потому что Андрей в аварию попал и лежал теперь в больнице, а мама Ярикова разрывалась между больницей и Андрюшиными детьми, и не

было у неё возможности Ярика забрать, а бабушка везти его в Петрозаводск отказывалась. И вот когда, наконец-то, сложилось всё, когда соседка согласилась три дня с детьми побыть, а Ярикова мама собралась к сыну ехать, оказалось, что билеты-то все и раскупили.

Если бы не работала долгие годы Маргарита Васильевна в школе, то не поверила бы сейчас Яриковой маме. Сразу бы решила: «Не бывает такого в жизни! В сериалах — сплошь и рядом, а в жизни — нет. И не надо рассказывать про аварии, детей малолетних и прочее, и прочее — не может такого быть и всё!» Но, к своему сожалению, Маргарита Васильевна видела немало из того, что никогда в жизни быть не может, и многое помнила.

Помнила, как в голос рыдал у неё в кабинете здоровенный мужик — многодетный отец, у которого умерла жена и остались на руках шестеро детей, как спрашивал совета у директора, кого из детей лучше оставить, а кого передать под опеку государства. Помнила, как утешала убитую горем мать и не находила слов, потому что два дня назад зарезали у матери сына в подъезде его же одноклассники. Помнила, как с полицией забирала из квартиры, в которой двое суток лежала на кровати мёртвая бабушка, голодных детей... Много чего было. Не хотелось этого помнить, а помнилось...

Ярик смотрит большими глазами, прислушивается к разговору, переминается с ноги на ногу. Наконец, Маргарита Васильевна кладёт трубку.

— Ну чего? — ожидаемо спрашивает Ярик.

— Ну ничего, — Маргарита Васильевна прижимает Ярика к себе, наклоняется, смотрит в большие, полные надежды чёрные глаза-бусины, — приедет. Сегодня не успела, говорит, на завтра билет взяла.

— А этот? Андрей? Тоже приедет? — видно, что Ярику совсем не хочется, чтобы «этот Андрей» приезжал вместе с мамой.

— Нет, не приедет он, — Маргарита Васильевна думает, как сказать Ярику, и произносит: — Мама любит тебя, Ярик, — она щёлкает мальчишку по носу, присаживается на корточки и, уже улыбаясь совсем не директорской, а бабушкиной пенсионной улыбкой, продолжает, — веснушки твои, вихры твои непослушные, глазёнки твои чёрненькие. Как можно тебя, Ярик, не любить, а? Как ты вообще мог подумать, что мама тебя променяла на какого-то Андрея? Ты чего, Ярик?

Ярик обнимает её за шею. Крепко так обнимает, вжимается весь в Маргариту Васильевну и не отпускает, и Маргарита Васильевна обнимает его. И совсем не хочется ей выпускать этого мальчишку из своих бабушкиных объятий. Кажется, проходит вечность, когда, наконец, Ярик шепчет, горячо дыша ей в ухо:

— Я домой пойду, ладно?

Маргарита Васильевна треплет его по непослушным волосам и тоже шепчет:

— Беги, Ярик, у меня телефон мамы твоей есть теперь. Буду звонить, спрашивать, как ты там. А хочешь — в гости забегай! Будем уроки вместе делать.

Ярик подхватывает портфель, бежит, по пути успевая пинать начавшую опадать листву, алый галстук выглядывает из кармана и ритмично-весело болтается из стороны в сторону, словно дразнящий хулиганский язык неведомого зверя.

Маргарита Васильевна смотрит Ярику вслед и неожиданно для себя понимает, что улыбается. Она встаёт на цыпочки, дотягивается до рябиновой грозди, с удовольствием кладёт в рот несколько терпких ягод и, размахивая сумкой, направляется навстречу своей по-настоящему прекрасной осени.

Марина НУРИДЖАНОВА

Марина выросла на самом краю света, в городе Мурманске. И этот суровый, так не похожий на другие уголки России, край сформировал особый взгляд на окружающее пространство. Долгими полярными ночами, когда холод заставлял оставаться дома, она открывала любимые книги и придумывала новые приключения знакомых персонажей. Не прошло это увлечение и в школе, где последняя парта стала форпостом для рождения первых собственных героев. Тяга к слову привела на факультет журналистики, однако именно литература осталась главным увлечением, вытесняющим всё остальное. В качестве фантаста Марина дебютировала с рассказом «In vitro», позже опубликованном в журнале «Фантастическая среда». Затем стала лауреатом конкурсов фантастических рассказов «Прыжок над Бездной» и «Неизвестная земля». Её рассказ «Дерево висельника» вошёл в альманах литературного фестиваля «Капитан Грэй». В своих историях Марина говорит о последствиях какого-либо вмешательства. Её истории всегда о том, «что случится, если...». А герои встают перед выбором, который никто не захотел бы делать. Сейчас Марина совместно с другими авторами готовится выпустить книгу «Три стороны одной медали».

ПЕРВЫЙ

Толпа орёт просто невероятно. Окрылённая. Опылённая. Она походит на взрыв сверхновой. То тут, то там в небо с восторгом взмывают лётные шлемы. Незнакомцы крепко обнимаются, хлопая друг друга по спинам. Повсюду самодельные флаги, шипение пива и смех. Я очень давно не видела столько счастливых лиц. А твой появление волнует всех ещё больше.

— Ай, красавица! Ну поглядите вы на него! — стоящий рядом со мной Войко бьёт себя по большому металлическому колену и смеётся. Он хорошо тебя видит с высоты своих почти двух метров.

Мы с Анкой этого лишены. Но её это явно не устраивает.

— Подсади меня! — кричит она Войко и тянет к нему худенькие руки.

Тот послушно приседает, и она забирается на огромные плечи. А потом с залихватским «ууух!» взмывает вверх.

— Он такой симпатичный, капитан! — кричит она мне и прижимает ладони к щекам. — Ему так идёт форма. Как модель с обложки!

Войко смеётся, и мышцы под его шоколадной кожей трясутся так, что Анка визжит и цепляется за длинные цветные дреды великана.

— Полегче, связисточка!

— Фу, Войко! Сколько раз я просила тебя не называть меня так!

Войко снова утробно смеётся, и Анка на его плечах качается ещё больше. Её ярко-розовые волосы, убранные в две косички, болтаются по лёгкой куртке, которая ей откровенно велика.

— Тише вы! — осаждает их кто-то из толпы. — Первый говорит!

Это о тебе. Ты стоишь на краю трибуны, и голос твой, усиленный динамиками, окутывает толпу и летит над головами, зачаровывая, как древнее заклинание. Анка и Войко затаивают, даже наш вечно замкнутый Закариас поднимает голову, разрешая окружающим рассмотреть и свой особенный цвет кожи, и белоснежные волосы. Сегодня весь наш экипаж здесь, на этой площади. «Последняя удача» остаётся верен тебе. Ты всё ещё часть нашего звездолёта. Наш второй пилот. Хотя полгода уже как им официально не являешься. Что ты сказал нам в тот день,

когда уходил? Что хочешь сделать мир таким, чтобы у таких как мы был шанс жить, а не выживать? Что не собираешься и дальше смотреть на то, как мы подвергаем себя опасности, перевоза контрабанду, за которую хоть как-то платят? Что установившаяся власть Федерации оскорбляет свободных людей? Анка плакала в твоих руках и просила не рисковать ради таких глупостей, а ты обнимал её, гладил по волосам и шептал, что не о чем волноваться. Мы отпустили тебя, а потом стали собирать о тебе слухи. Нам рассказывали, что ты объединил революционный фронт. Мы слышали, как тебя называли пионером движения за независимость. О тебе говорили повсюду. Оплот честности. Борец за справедливость. Мы гордились тобой и боялись узнать, что ты попал в руки Федерации. Ты нажил тогда себе много врагов. Но почему-то оставался жив. Каждый вечер я делала расклад. На моей планете все общались с духами, обращались к хрустальным шарам, бросали кости. И нам отвечали. Всегда. Я предпочитала карты. Иссиня-чёрные, как космос, который мы бороздили, прохладные, как подушка после тяжёлого дня, лежащие в руку так, словно это предназначенное им место — они говорили со мной на одном языке и отвечали на просьбы охотнее прочих. Арканы успокаивали меня тем, что у тебя светлый, чистый, озарённый путь. Я была благодарна им и не искушала судьбу другими гаданиями. Не стоит привлекать к чьей-то удаче слишком много внимания.

— Он никогда ещё не говорил так вдохновляюще, — Анка вздыхает, и я снова оказываюсь на площади, среди притихшей толпы, которая внимает тебе с восторгом и благоговением.

Сегодня день твоей первой победы. Одна освобождённая планета из тысячи — не большой результат. И всё же местные жители, избавленные от гнёта безумных налогов и глупейших законов Галактической Федерации, встречают тебя как героя. Тебя и твоих людей. К которым мы не относимся. И мне жаль. Потому, что я всё равно горжусь тобой.

— Капитан, хочешь посмотреть на нашего мечтателя? — гудит Войко, и я вдруг оказываюсь на каком-то ящике, возвышаясь над взволнованной толпой.

— Глупые мечты, — отзывается Закариас и смотрит на меня так, словно в их воплощении есть и моя вина. — Опасные и бессмысленные.

— Не начинай, мы уже обсуждали это, — с нажимом

просит его Войко, и дарит мне сочувствующую, понимающую улыбку.

Я игнорирую её, взгляд Закариаса и своё сердце, больно колоотящееся о грудную клетку. Я смотрю на тебя.

С трибуны, в этом стильном, сшитом по фигуре мундире, ты уже не просто революционер, теперь ты — лидер восстания, сердце повстанцев. Тебе безусловно это идёт. Как и твои мечты, которым внимают сотни людей сейчас. Я чувствую, как вокруг накаляется воздух из-за твоих слов, как влюбляется в тебя толпа, очаровывается твоими движениями, приподнятыми уголками губ и голосом — уверенным, правильно расставляющим паузы, умелым, таким страстным. Ты всегда знал, как преподнести себя. Создать вокруг ореол. Убедить в чём угодно. Это твой дар. Невероятный, непростительный и такой притягательный. Я не помню, сколько раз он спасал «Последнюю удачу». Мы прошли не один парсек в уверенности, что твоё обаяние и подвешенный язык вытащат нас из любой беды. И ты справлялся. Даже слишком хорошо.

Теперь ты покорял не жалкие горстки таможенников или лётчиков на дальнем краю Млечного пути. Теперь ты говорил о галактическом мире, и множество глаз следили за каждым взмахом твоих рук. Я помню, как в кубрике «Удачи» глубокой рождественской ночью ты рассказывал, как хочешь этого. Шёпотом, едва слышно, ты признавался мне, пробираясь тонкими пальцами к свечам, которые прятались в наряжённой ели и улыбался, зажигая каждую из них. Так ты делал и с людьми — проникал внутрь и разжигал огонь, не встречая сопротивления.

— Давай покричим ему, а? — Анка смотрит на меня озорно и смешливо. — Пусть узнает, что мы пришли поддержать его первый триумф.

Войко смеётся, и трясущаяся на его плечах Анка снова пищит, призывая его прекратить. А я смотрю на трибуну и не хочу привлекать к нам внимание. Это твой день. Пусть только твоим и останется. Но Анка всё равно прижимает руки к губам рупором и кричит, что есть мочи:

— «Удача» любит тебя, Первый!

По толпе несётся одобрительный рёв, и внезапное признание катится волной до самой трибуны, рассыпаясь на брызги восторженных голосов, где имя нашего корабля растворяется, становится неслышным. Ты бросаешь взгляд в нашу сторону, но, конечно, не можешь нас увидеть. Анка усиленно машет руками, надеясь привлечь внимание, а я радуюсь, что эти попытки тщетны — мы слишком далеко. Ты поднимаешь руку, благодаря каждого, кто выразил свою симпатию тебе, и снова возвращаешься к речи.

— Я так просто не сдамся! — ворчит Анка и тянет Войко за дреды. — Идём, надо подобраться поближе!

— Анка, не стоит, — бросает ей Закариас, но она не слушает.

Войко ловит мой взгляд и виновато улыбается. Он тоже каким-то невероятным образом знает, что я против.

— Куда ты хочешь, связисточка? — спрашивает он, и Анка указывает вперёд, через толпу.

— Поближе к трибуне, чтобы он точно нас увидел!

Вообще, мог бы подумать о VIP-местах, правда? Мы же были с ним ещё до того, как он набрал такую невероятную популярность! Идёмте все вместе! Он должен знать, что мы всё ещё с ним! Разве не круто увидеть старых друзей?!

Закариас вздыхает и делает шаг к Войко. И я его понимаю. Анка бьёт в цель, и мы не можем сопротивляться.

— Вперёд! — командует она бодрым голосом, и Войко принимается прокладывать нам путь.

Я чувствую себя глупо, но всё равно иду следом. «Просто чтобы увидеть тебя поближе», — убеждаю я себя. «Чтобы ты увидел меня», — подло шепчет внутри горячее желание. Посмотрел и улыбнулся. А потом сказал: «Давно не виделись, кэп». И протянул руку.

— Хэй! — вдруг кричит Анка, прикладывая ладони к губам. — Посмотри на нас, Первый! Мы тут! Ну же! — И вдруг кричит совсем другое имя. А мы вздрагиваем. — Чёрт возьми, Болтушка!

Это прозвище ты получил в самый первый раз, когда умудрился, заговорив нам зубы, попасть на звездолёт. Мы звали так тебя до самого последнего дня. А потом ты стал Первым. И Болтушка остался в прошлом вместе с нами.

— Болтушка! Хэй! Это же мы! Мы! «Последняя Удача»!

Толпа вокруг напрягается и начинает поглядывать на нас с подозрением. Кое-кто даже грозит нам кулаками.

— Не надо, — быстро трогаю я Анку за колено и оглядываюсь.

— Да что такого-то?! — сердится она и принимается размахивать руками. Ей не видно, что происходит внизу. — Болтушка, ну посмотри же на нас!

Я осторожно делаю шаг назад, прижимаясь к большому плечу Войко, и, нащупывая кобуру, бросаю короткое:

— Зак, к кораблю, быстро!

Ему, как инженеру ИИ, запрещено носить оружие, и это значит, что он будет лёгкой мишенью, если случится то, чего я боюсь.

Но уйти он не успевает. Толпу прорезает несколько человек в такой же, как у тебя, форме, и ладони их лежат на рукоятках бластеров. Одного нажатия на спусковой крючок хватит, чтобы пустить нас всех по ветру.

— Пожалуйста, прекратите безобразия, — говорит один из них. — Иначе мы будем вынуждены применить силу.

Я смотрю на новенькое, словно только с конвейера, оружие и поднимаю руки в примиряющем жесте.

— Это смешно! — возмущается Анка и велит Войко опустить её на землю. — Мы с «Последней Удачей»!

— Да хоть с самой Матери Земли! — теряет терпение командир маленького отряда. — Вам велено успокоиться и не мешать Первому!

— Но мы... — злится Анка и сжимает кулаки.

— Хватит, — шепчу я, наконец, и она обиженно смотрит на меня, но больше не говорит ни слова. — Простите, офицер. Перестарались. Эмоции.

Стоящий напротив кивает и вдруг замирает, словно прислушиваясь к чему-то.

— Вы сказали, что вы с «Последней удачей»? — вдруг спрашивает он и прижимает пальцы к уху, где

прячется переговорное устройство. — Пройдёмте со мной, пожалуйста.

Анка горделиво выпрямляется и смотрит на меня с пренебрежением, словно пытается упрекнуть в том, что я слишком принижаю нас.

— Зачем? — спрашиваю я. Во мне и правда мало гордости. Зато много тревоги.

— Руководство хочет вас поприветствовать, — отзывается офицер, и нас плотно окружает его отряд.

Анка хмыкает и первая, гордо выпятив грудь, входит в толпу, острая, как наконечник стрелы. Войко послушно следует за ней, как сторожевой пёс, а дальше, натянув капюшон поглубже, шелестит ногами Закариас. Он оглядывается по сторонам и выглядит так, словно при удобном случае даст дёру. Он верит людям ещё меньше меня. Я замыкаю шествие. И на душе у меня скребут кошки. При любом раскладе нам сейчас придётся несладко. Чтобы Анка там себе не придумала.

Нас ведут сквозь коридор людей, и выглядит это как дорога к эшафоту. Я вижу как офицер едва шевелит пальцами, и к нам присоединяются ещё люди. Тоже военные. Этот отряд оружие держит уже в руках, наготове. Дурнота подступает почти сразу. Нам нужно уходить. Прямо сейчас.

— Зак, — шепчу я. — До «Удачи» можно отсюда достучаться?

У нашего звездолёта не самая сильная ИИ-программа. Но Закариас едва уловимо кивает, и во мне просыпается надежда.

— Гони её прямо сюда, на площадь, — шепчу я сквозь зубы. — Пусть держит люк открытым. И предупреди Войко.

— Если так поступим, то нам тут же припишут шпионаж в пользу Федерации, — едва слышно говорит он.

Я поднимаю глаза, разглядывая тебя на трибуне. Ты улыбаешься – светло и солнечно. Так безмятежно. Принимаешь цветы от девушек. И целуешь им руки под рёв толпы. И мне хочется оказаться среди них, а не тем человеком, который сейчас внесёт суматоху и ужас в этот день. В курсе ли ты, что твои люди собираются сделать? Ты ли инициировал всё это? Или ты будешь считать нас предателями, продавшимися Федерации? Узнаю ли я когда-нибудь, что на самом деле у тебя на сердце?

— Вызывай, — принимаю единоличное решение за всех.

Анка меня возненавидит. А может быть, и не только она. Но лучше пусть ненавидит, чем будет мёртвой. Через пару минут шанса сбежать уже не будет. А в том, что нас убьют, сомнений у меня нет. У новых лидеров, каким теперь стал ты, не могло быть прошлого, особенно живого, которое может заговорить. И нас можно было бы попытаться купить, но это ничего не гарантирует, а пуля в лоб в месте, где старые законы уже не действуют, а новых ещё нет – вполне удобный и дешёвый способ уберечь молодую власть от проблем.

Закариас делает несколько незаметных движений под рукавом, и через пару минут оглушительный грохот заглушает толпу. «Удача» зависает в воздухе и медленно открывает люк. В этот же момент всё вокруг приходит в движение.

— Внутрь! — кричу я ошеломлённой команде, и та

кидается к кораблю, не задавая вопросов. Кажется, мы ещё живы просто потому, что отлично выполняем приказы.

Я припадаю к земле и сильным броском кидаюсь людям под ноги. Те бросаются в стороны, и вот я уже бегу вслед за своими, растягивая над командой силовой щит. По нему тут же проскальзывает несколько лазерных лучей, и я с ужасом оборачиваюсь — вокруг нас толпа, а они открыли огонь?! Начинается паника, и мы пользуемся этим, чтобы добраться до люка.

Войко забрасывает Анку и Закариаса в нутро корабля и подтягивает себя на сильных руках, а потом тянется ко мне и кричит:

— Быстрее, кэп!

Я хватаюсь за его ладонь, и крепкие пальцы стискивают моё запястье намертво. Я вижу, как Анка тревожно оглядывается по сторонам, но нет — мы в центре города, здесь негде разместить артиллерийские пушки, способные сбить корабль. И потому я позволяю себе обернуться. Мне нужно увидеть твои глаза. Нужно узнать, что ты думаешь. Не смотря на охрану, сомкнувшуюся вокруг тебя, я всё же ловлю твой взгляд. И в нём столько всего, что на миг меня бьёт под дых. Ты смотришь, и я вижу безысходность, вину и разочарование. Больше нет прямой осанки, только ввалившиеся плечи, словно ты держишь на спине тяжёлый рюкзак, и покорно обвисшие руки. Ты в окружении людей, которые готовы отдать за тебя жизнь, но я всё равно ощущаю твою беззащитность и одиночество.

— Что с тобой? — шепчу я.

Но ты лишь качаешь головой и отводишь глаза. И я вдруг понимаю. Ты врал, да? Там, на трибуне, когда говорил все эти слова про равенство и свободу? Каждым словом, каждым взмахом коротких ресниц ты говорил крепко выученные фразы, не веря ни в одну из них?

— Мотоциклы! — кричит вдруг Анка и тычет мне за спину.

В воздух поднимается целый рой: жужжащий, смертоносный. Он несётся в нашу сторону, и активированные пушки говорят лучше любых слов — заложники им не нужны.

А я всё равно не могу отвести от тебя глаз.

— Пойдём с нами, — шепчу я.

Мы сможем развернуться. Выраж будет опасным, но мы проделывали и не такое. Забрать тебя не составит никаких проблем. Но ты не пойдёшь, да? Я знаю. И ты правда качаешь головой. Пусть всё не так, как ты представлял, но не в твоих правилах отступать. Так ведь? Потому что несёшь ответственность? Потому что правда был Первым? Потому что происходящее началось с твоих идей, пусть и выросло во что-то подобное? Я понимаю, но не могу смириться. Внутри всё принимается болеть. Пойдём с нами. Пойдём. Ни одна жизнь не стоит твоей. Для меня.

«Я рад тебе, кэп», — произносят твои губы, и на них мелькает улыбка. А потом ты резко разворачиваешься и принимаешься отдавать приказы.

Рой, следующий за нами по пятам, тут же отстаёт, а потом и вовсе пропадает из виду. Мы взбираемся всё выше в голубое небо. И Войко, наконец, затягивает меня внутрь с тихим:

— Всё, Анка, закрывай нас.

В издательстве «3-е ИЮНЯ» вышел в свет историко-приключенческий роман Геннадия Майорова «Казнь». Приобрести книгу можно на платформе сайта: союзписателей-57.рф и по тел. 953-623-83-30.

Тема историко-приключенческого романа члена Союза российских писателей, председателя правления Союза орловских писателей Майорова Геннадия Николаевича связана с периодом оккупации центра России, и в частности Орловской области, немецко-фашистскими захватчиками. В первой части романа автор предпринимает попытку воссоздания атмосферы жизни и противостояния населения нацистскому террору на оккупированных территориях. Вторая часть представляет собой послевоенную хронику событий, связанных с расследованием карательных действий фашистов после освобождения региона от захватчиков.

Особенностью всего творчества Г. Майорова и данного романа «Казнь» является опора автора на большой массив подлинных и малоизвестных документальных, в том числе, архивных, источников. Отличительной чертой этого нового произведения является чёткое соблюдение автором хронологии событий, скрупулёзная передача деталей. Подлинные исторические события облечены автором в литературную форму и дополнены яркими живыми художественными деталями. Это позволило автору воссоздать атмосферу военного и послевоенного времени, вдохнув жизнь в судьбы героев его повествования.

К несомненным достоинствам романа следует отнести оригинальный авторский слог, органично сочетающий в себе строгую документальность, художественный замысел и выразительность изложения текста. Книга является одним из ярчайших образцов современной художественной прозы. Поскольку автор уже давно занимается военной тематикой, данный роман можно рассматривать как самостоятельную часть целой серии произведений автора.

Историко-приключенческому роману «Казнь», как и к другим произведениям Геннадия Майорова, присущ настрой духовно-нравственного и патриотического плана. Это произведение литературы, несомненно, станет ценным инструментом патриотического воспитания молодёжной аудитории. Представляется, что автор ставил задачу, прежде всего, воздействовать силой художественного слова на молодых представителей читательской аудитории. Темпераментный авторский рассказ, основанный на исторической правде, без сомнения, будет способствовать преемственности восприятия героических и трагических военных событий, поможет в процессе передачи опыта и традиций от старшего поколения к молодёжи. Роман воспитывает в читателе объективное и уважительное отношение к нашей истории, непримиримость в случае её искажения или пересмотра. Этот замечательный образец современной российской прозы послужит основой для укрепления чувства уважения к ветеранам войны, старшим поколениям, вынесшим на своих плечах всю тяжесть событий Великой Отечественной войны. Представляется, что роман можно рассматривать и как литературный мемориал в честь подвига советского народа, выстоявшего и победившего в борьбе с врагом.

Новое художественное произведение известного писателя Геннадия Николаевича Майорова представляет собой уникальное переплетение истории, журналистики и психологии. Тщательно подобранный фактический материал, преломлённый через призму творческого таланта автора, слитый воедино с писательским вымыслом, на основе тонкого творческого чутья и жизненного опыта художника, позволил развернуть широкое полотно эпического масштаба.

Роман Г. Н. Майорова «Казнь» будет интересен самому широкому кругу читателей, но не оставит равнодушным также требовательных учёных историков и краеведов.

*Доктор исторических наук, профессор,
Почётный гражданин Орловской области,
Заслуженный работник культуры России*
В. А. ЛИВЦОВ

Предлагаем вашему вниманию ознакомительный отрывок из романа «Казнь»

Геннадий МАЙОРОВ КАЗНЬ

Историко-приключенческий роман затрагивает период с начала и до конца XX века. Примерно 80% историй воссозданы с помощью зарубежных и частных, в том числе личных архивов. В остальных случаях автор даёт волю фантазии, тем не менее, чётко следуя хронологии того далёкого и до сих пор мало изученного времени.

Первая часть романа – это своеобразный сгусток событий периода Второй мировой войны, жизнь на оккупированных территориях, судьбы людей с разных противоборствующих сторон. Вторая часть – послевоенная хроника. Главный герой романа получает задание выяснить, какое секретное оружие в годы войны немцы испытывали в Орле, и где оно спрятано. Возникают фатальные, казалось бы, неотвратимые ситуации, в первую очередь для нашего героя. С неожиданной развязкой...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разные судьбы

В ночь на 30 декабря 1945 года в Брянске заметно похолодало. Комендант УНКВД капитан Потапенко приказал срочно разбудить трёх бойцов. Старшим назначили старшину Головку, бывшего колхозного плотника, который лишь уточнил:

– Времени у нас сколько?

– Надо закончить как можно скорее, – уклончиво ответил Потапенко. – Поехали, я покажу место.

Остановились на улице Ленина, напротив сквера Кирова, там, где у немцев был оборудован сектор для зенитного обстрела. Следом подъехала полуторка, и заспанные бойцы, поёживаясь, стали неспешно разгружать нетёсаные брёвна.

– Ну что, мальцы, застыли, – вяло пробурчал пожилой старшина, – шевелитесь, а то замёрзнете.

Почва через дорогу от немецкого кладбища оказалась на удивление податливой. Быстро выкопали две ямки в рост человека. Установили столбы, засыпали землю, утрамбовав её битым кирпичом. Оставалось сверху скрепить конструкцию ещё одним бревном. Старшина обернулся в сторону коменданта:

– Сколько крюков вбивать?

– Три, – твёрдо отозвался Потапенко.

– Так их вроде четверо... Завтра же только приговор...

– Отставить разговоры. Всё уже решено. Три верёвки и – точка!

...Рассвело. Первые заспанные прохожие с удивлением взирали на виселицу, вокруг которой, согреваясь, бодро вышагивала немногочисленная охрана. Многие горожане даже не подозревали, что ровно в полдень в гарнизонном Доме офицеров, построенном сорок семь лет назад на средства жены уездного военачальника, госпожи Блаженовой, будет объявлен приговор двум немецким генералам и двум ефрейторам. Спешный пятнадцатидневный процесс над военными преступниками проходил в строжайшей секретности, в зал заседания получили приглашения только самые проверенные и надёжные товарищи, прошедшие жёсткий инструктаж.

Судебное заседание объявили закрытым в 13 часов 30 декабря 1945 года. Через два часа свершилась казнь. (А инструкцию о порядке приведения приговора в исполнение начальник Брянского УНКВД генерал Фирсанов подпisał ещё 27 декабря 1945 года: всё было предпринято заранее.)

Ещё через час, в нарастающих сумерках, трупы сдёрнули. Капитан медслужбы Зубков произвёл осмотр «на предмет установления смерти трёх военнослужащих германской армии». И казнённых в ночь на 31 декабря закопали неподалёку. Акт почему-то скрепили печатью Орловского УНКВД, хотя под приговором поставили оттиск Брянского управления внутренних дел... Четвёртому подсудимому «повезло», ему отмерили 25 лет заключения.

...Мелкий игольчатый снег вяло оседал на погружённый в темноту город, забеливал натоптанную солдатскими сапогами землю. А уже под утро кто-то сплил виселицу: народ поспешил

раздербанить излишние в хозяйстве брёвна на растопку – людям всё ещё не хватало элементарного тепла.

1.

1965 год

Сквер Танкистов в Орле. 9 Мая. Торжества по случаю 20-летия Победы.

Долгих семнадцать лет важная дата находилась в забвении. Спустя три года после войны Сталин отменил праздник. Поговаривали, что вождь болезненно воспринимал послевоенную популярность маршала Жукова, которого боготворили многие ветераны, и его соратников. Недовольный генералиссимус как-то обмолвился, что пора перестать носить ордена, полученные за боевые подвиги, и начать гордиться наградами, которыми отмечены трудовые заслуги. В разрушенной стране – миллионы людей, изувеченных войной, государство не в состоянии создать им нормальную жизнь. И эти люди совершенно бесполезны для социализма, они просят подавание на улицах, в общественном транспорте. А в побеждённых странах всё наоборот. По логике, если мы гордимся победой, то должны платить этим людям нормальную пенсию, чтобы они могли достойно существовать. Но у страны на это средств нет. А инвалиды с орденами спиваются, бывшие защитники от отчаяния становятся преступниками. Того и гляди созреет бунт. Иосиф Виссарионович принимает решение: праздник похоронить. Его раздражает, что в обществе укореняется мысль: в войне верх одержала не советская власть под руководством товарища Сталина, а победил народ. И победители, частенько под хмельком, не стесняются обсуждать ошибки руководства, особенно в первые годы войны. От таких «героев» надо избавляться. Разлагающих общество калек убрать с улиц, сослать подальше. Наиболее разговорчивых привлечь к ответственности. Армию в десяток миллионов человек резко сократить. А генералов-победителей – в запас, в отставку...

С утра заморосил дождь. Воздух насыщался неповторимым запахом оживающих после зимней спячки яблонь, веяло ароматом расцветающей сирени. Михаил Михайлович Тенишев, недавно отметивший своё 55-летие, шёл через Красный мост в сквер Танкистов. Шёл неторопливо, как пенсионер, которому со вчерашнего дня спешить было некуда. Поутру долго перебирал гардероб, но в последний момент отказался от кителя с погонами майора госбезопасности. Не надел и боевые награды: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги»...

То ли постеснялся, то ли не привык к парадной форме, которая почти всю послевоенную службу провисела в шкафу. Синие брюки с васильковыми кантами выглядели как новенькие. Для повседневной формы офицерам КГБ полагался китель защитного цвета, полностью идентичный по покрою и цветовой гамме парадному мундиру, что делало возможным их полную взаимозаменяемость. Погоны защитного цвета, позже – из защитного шёлкового галуна или вискозной ткани; васильковые или светло-зелёные петлицы с эмблемами, но без латунно-золотой окантовки. Тут же фуражка с простой офицерской кокардой, которой пользовался разве что по праздникам.

Осмотрев скудный ассортимент одежды, Михал Михалыч надел чистую – гражданскую – голубую сорочку, галстук, придиричливо примерился к ботинкам, показавшимся узкими после зимней неволе. На случай дождя укрылся серым плащом.

В сквере было немногочисленно. У Вечного огня, зажжённого два года назад маршалом Баграмяном, сустились коммунальщики. Постамент и сам танк Т-70 чистили и полировали, насколько это было возможно. Прошёл слух, что готовится торжественная церемония по случаю праздника, приедут городские чиновники, озвучат свою сопричастность к Победе, строго отобранные общественники возложат к постаменту цветы.

Тенишев отошёл в глубь сквера, присел на скамейку. К нему робко приблизились два ветерана с медалями на драных пиджаках.

– Не возражаете, товарищ, мы здесь выпьем по чарке? – один из солдат, с обожжённым лицом, видимо, танкист, встретив понимающий взгляд «гражданского», извлёк из газеты початую бутылку водки, из карманов – два гранёных стакана. Его приятель аккуратно разложил мятую газету на краю скамейки и пристроил немудрёную закуску: два кусочка селёдки и приплюснутый солёный огурец.

Танкист торопливо разлил водку, быстро чокнулся с соратником, звучно выпил и выдохнул:

– Присоединяйтесь, товарищ. Вы, я извиняюсь, воевали?

– Было дело, – уклончиво ответил Михал Михалыч и улыбнулся, располагая к доверительной атмосфере общения. – А вам, вижу, довелось хлебнуть по полной...

– Я-то северней города шёл, – танкист наполнил стакан наполовину и протянул Тенишеву, но тот вежливо отказался, показывая на сердце, – а вот Федька Орёл освобождал, со 129-й дивизией входил по Курским улицам.

Напарник мрачно кивнул:

– Меня в сорок третьем призвали, я родом из-под Мценска. Почти до Германии дошёл, а там меня зацепило, – и для убедительности постучал по деревяшке вместо правой ноги. – Вернулся, а здесь ни кола ни двора. Почитай, три года Орёл расчищали от завалов...

– Вон, кажется, начинается, – перебил его танкист, ловко сворачивая скатерть-самобранку. – Айда поглядим, что там начальство будет гутарить...

Они поспешили к памятнику, где начал собираться народ. Тенишеву туда не хотелось. Он знал наперёд, о чём будут говорить тыловые канцеляристы: дежурные суконные слова и никакой конкретики, только плакатные призывы и здравицы в честь партии и правительства. Обожжённого танкиста и его друга-пехотинца Федьку никто даже не вспомнит, не обратит на них внимания. Много их таких – без подмеса победителей, только и имеющих, что ратные регалии и боевые шрамы. Вот выпили, помянули погибших бойцов – и вроде как легче им стало, все нынешние беды побоку. А ведь прошло уже двадцать лет! Но никакого просвета...

Тенишев мог позволить себе так рассуждать сегодня, став отставником. Осознавая, что теперь может дышать привольно и думать без оглядки: как свободомыслящий одухотворённый литератор, а не зашоренный солдафон.

Он придирчиво взирал на мурое небо, на серые облака, сквозь которые пытались просочиться робкие солнечные лучи, а память мягко, но настойчиво уносила в прожитое, напоминая и о том, что было, и о том, что могло случиться, если бы судьба к нему не благоволила, не отводила вовремя беду.

Миша родился 5 апреля 1910 года. Он был сыном прапорщика русской армии, георгиевского кавалера, Михаила Фёдоровича Тенишева. Об отце знал только, что появился тот на свет 15 мая 1886 года, а погиб в 1916 году в Первую мировую войну где-то под Ковелем во время знаменитого Брусиловского прорыва. Мама – сельская учительница, Вера Борисовна, была на семь лет моложе отца, родом с Донбасса, перед Великой Отечественной войной сгорела от туберкулёза.

Именно мама привила сыну любовь к знаниям. И он, уверенный в себе, ни с кем не посоветовавшись, поехал поступать в столичный университет. Педагоги были потрясены его познаниями в столь юном возрасте. Вступительные экзамены он сдавал легко. И не ограничился одним факультетом. В середине 30-х, после окончания Московского университета, где получил целых три диплома с отличием – безмерно охоч был до знаний, – работал корреспондентом ТАСС по Орловской области. А затем молодого коммуниста направили в органы НКВД «на усиление». В 30-е годы по стране прокатилась волна так называемых чисток рядов, в том числе и карательных.

Молодой Тенишев старался избегать политики. Увлёкшись сочинительством, публиковался в солидных журналах, стал до-

вольно-таки известным писателем. Ему прочили успешную литературную карьеру, но... он не смел противостоять «партийной дисциплине». Оказавшись в орловском УНКВД, исполнял свои обязанности оперативно и грамотно, но тяготился службой, что не оставалось без внимания руководства...

Дождь прекратился, выглянуло солнышко, но донимал холодный ветер. Тенишев поднял воротник плаща. Он уже обдумывал, как засядет за очередную повесть о недавнем прошлом. Было о чём рассказать, пусть и в художественной форме. Правда, верилось с трудом, что её опубликуют в ближайшие годы. Ничего, отлежится в столе до поры до времени, есть-то не просит.

Одно не давало покоя. При аттестации начальник управления Фирсанов обронил двусмысленную фразу: «Я вот насчёт вашего происхождения... Часом, князьям Тенишевым вы не родственник?» Коллеги пропустили этот намёк мимо ушей, но сам Михаил озадачился: неспроста в нём хотят найти изъян, чтобы, стало быть, принизить, поставить на место. Борьба с «врагами народа» никуда не исчезла, так, притихла до поры. А он всеми внутренностями ощущал, что пришёлся не ко двору. Единственный в конторе с высшим образованием: юрист, психолог, владеет двумя иностранными языками. У того же начальника всего четыре класса. Да к тому же новоиспечённый сотрудник не поддерживает компаний сослуживцев, не пьёт, на собраниях говорит мудро, непонятно, в оценках не чувствуется правильной классовой направленности. Но открыто неприязнь к более образованному и воспитанному юноше не проявляли. Побаивались. И сторонились.

В конце 1939 года, когда дважды почистили штаты НКВД, расстреляли и пересадили многих чекистов, спохватились: а работать-то некому. Тенишева срочно вызвали в областной комитет партии на Октябрьскую, 12, в 45-й кабинет. Первый секретарь, Василий Иванович Бойцов, неказистый с виду, невысокий, лобастый, с залысиной, встретил как старого приятеля, вышел из-за стола, крепко пожал руку и начал без предисловий:

– Михал Михалыч, надо укреплять ряды! На таких, как вы, вся надежда. Областной комитет принял решение делегировать вас как молодого члена партии, на усиление в органы внутренних дел. Знаю-знаю, что вы зарекомендовали себя как хороший журналист, даёте добротную информацию в ТАСС, там, кстати, вас тоже хвалят... И на съезде писателей вы получили солидные отзывы. Но острое перо от вас никуда не уйдёт. Вы ещё молодой, успеете прославить себя в литературе. А сегодня партия очень озабочена состоянием дел в правоохранительных органах. Надо спасать положение. Тем более, в мире неспокойно...

– Василий Иванович, ну какой же из меня чекист, – уловив момент, вставил Тенишев, – мне кажется, как журналист я принесу стране больше пользы.

– Разумеется, – Бойцов усадил гостя рядом с собой на большом кожаном диване, – будем считать, что это временная командировка, и вы ещё вернётесь к своей профессии. Мы внимательнейшим образом проанализировали все подходящие кандидатуры и пришли к выводу, что с вашим образованием, опытом сегодня самое время помочь партии и органам навести порядок в обществе. Не секрет, что в последнее время активизировались не только внутренние, но и внешние враги. Без грамотного анализа ситуации, без умения распознавать истинную сущность человека трудно выявить, кто на что способен.

Первый секретарь вскочил, нажал кнопку звонка. В дверях появилась пожилая дама с блокнотом в руках.

– А давайте-ка, Михал Михалыч, попьём чайку, – сказал, обращаясь к секретарше, Бойцов и жестом пригласил Тенишева за стол. – Я ведь слышал, что вы большой специалист в области человеческих душ. Случайно, гипнозом не обладаете? Меня эта тема весьма интересует.

– Психология включает в себя методы бесед, наблюдений и тестирования. Естественно, в процессе общения мы используем

некоторые наработки, – медленно начал Тенишев, прикидывая, что за интерес у Бойцова: простое любопытство или своеобразная проверка? Проскользнула шальная мысль: дай-ка я встречно протестирую первого секретаря заковыристыми терминами. – Наша психика, как форма взаимодействия живых существ с миром, выражается в способности претворять в реальность свои побуждения и действовать на основе имеющейся информации. А психика человека, с точки зрения современной науки, является как бы посредником между субъективным и объективным, а также реализует представление человека о внешнем и внутреннем, душевном и телесном. Что касается гипноза, то это особое состояние сознания, во время которого человек концентрируется на одном объекте. Например, на голосе гипнотизёра. Главная особенность гипноза – повышенная способность реагировать на внушение. Мы это тоже изучали, но до практики дело не доходило. Хотя всё это весьма интересно.

– Вот видите, – озорно, ничуть не смущаясь, восклицал Бойцов, когда принесли чай, – сколько у вас талантов! Помогите нам, и мы... в долгу не останемся.

Он завозился с сахаром, пытаясь быстро переместить его из вазочки в стакан, но тут же вскинул голову, посмотрел с хитрецей:

– Кстати, вы живёте с семьёй на улице Горького, в нашем доме. В однокомнатной квартире. Там, по соседству, освободилась жилплощадь. Мы поможем вам улучшить жилищные условия. Вам же нужен кабинет для творческой работы?!

Звонил телефон. Бойцов весь просиял:

– Да, товарищ Фирсанов, у меня. Последние наставления – и товарищ Тенишев направится к вам, – положив трубку, первый секретарь загадочно улыбнулся: – Вот видите, как всё удачно складывается. Приступайте к новым обязанностям немедленно. А что касается вашего творчества, то, думаю, помех не будет. Сам начальник Главного Управления госбезопасности СССР, товарищ Меркулов, к слову – большой любитель литературы, в курсе вашего нового назначения. Кстати, по его рекомендации вам сразу присвоили звание младшего лейтенанта госбезопасности, что соответствует рангу старшего лейтенанта Красной армии...

Торжества в сквере Танкистов свернулись: смолк оркестр, разбежались по своим делам пионеры. Тенишеву захотелось вновь увидеть утрешних ветеранов, послушать их незатейливые рассказы о настоящей войне. Он прошёл по мокрым аллеям, но фронтовиков не нашёл. Другие, более молодые солдаты, о чём-то весело переговаривались возле памятника. В кронах посаженных весной деревьев жалобно повсвистывал скрипичной мелодией слабый ветерок. Праздник иссяк.

...На новом месте работы, в мрачном сером здании, Тенишеву поручили вести следствие. Он допрашивал обвиняемых в государственной измене, в делах о коррупции и казнокрадстве, довольно быстро определял, кто есть кто, и выносил решения. Писал каллиграфическим понятным почерком, с очень доходчивыми формулировками. Коллеги стали часто заглядывать к нему в кабинет с просьбой подредактировать их тексты, подсказать «умные вопросы». Несколько раз предлагали отблагодарить, как водится, за накрытым столом. Тенишев, устав отнекиваться, как-то прилюдно сообщил: «Братцы, я не пью, потому что мой организм не принимает суровые напитки, алкоголь назад просится. А так, компанию поддержу... с лимонадом».

Единственное, что его радовало – возможность, пользуясь служебным положением, покопаться в архивах, собирая сведения о роде Тенишевых. Увлёкшись, Михал Михалыч начал создавать генеалогическое древо загадочных князей. И вскоре результаты его поразили.

Оказывается, Вячеслав Николаевич Тенишев – русский этнограф, археолог и социолог, присяжный поверенный – был сыном Сандомирского губернатора, генерал-майора, князя Николая Ивановича Тенишева. А ещё он был крупным промышленником

и инженером, основал слесарно-механический завод в Санкт-Петербурге, выпускавший машины для производства конструкций железнодорожных мостов. И, между прочим, Мариинский (позже переименованный в Красный) мост в центре Орла – его рук дело. Потом Вячеслав Николаевич стал председателем правления Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода – одного из крупнейших предприятий в России. Он же основал в Санкт-Петербурге ставшее знаменитым Тенишевское училище, с выпускниками которого были такие известные люди, как Осип Манделштам, Владимир Набоков, Лев Бруни и другие таланты. Миллионер Тенишев считался благотворителем, только на деятельность своего училища он пожертвовал немалые по тем временам полтора миллиона рублей. Его также увлекала наука и все проекты, прославляющие российскую державу. Не без участия государя его выдвинули на должность комиссара от России на Всемирной выставке 1900 года.

Вячеслав Николаевич был женат дважды. Первая супруга, Анна Дмитриевна, прославилась тем, что в имении Александровка Миенского уезда Орловской губернии открыла вышивальные и кружевные мастерские, изделия которых экспонировались на парижской выставке. Не была обделена талантами и вторая жена, Мария Клавдиевна, которая неплохо пела, в том числе на привлекательных зарубежных сценах, организовала рисовальные школы в столице, а в Смоленске – музей «Русская старина». Была знакома с писателем Тургеневым, художниками: Маковским, Рерихом, Васнецовым, Врубелем, Бенуа, Репиным. Она же стала известной эмальеркой и демонстрировала своё искусство за границей. Позднее княгиня щедро поддерживала творческих людей, собирая их у себя в имениях.

Мария Клавдиевна, к великому сожалению, потеряла связь со своей дочерью от первого брака и очень переживала, что не имела детей от Вячеслава. Они жили в Бежице, в Майском парке, недалеко от его завода, в доме, где раньше хозяйничала первая жена Вячеслава, Анна. Но после развода та оставила в этом доме голые стены и побитую посуду. Естественно, Марию тяготило положение «второй хозяйки», и она уговорила мужа сменить место жительства. Вскоре они купили в Хотылёво, под Брянском, имение проигравшегося в карты помещика с удивительной фамилией Тютчев, но к известному поэту не имеющего никакого отношения. Мужа не занимали домашние дела, он постоянно был в разъездах. И устройством семейного гнёздышка занялась молодая княгиня Мария Тенишева.

Именно в Хотылёво и раскрылась одна родовая тайна. Ещё до брака с Марией Вячеслав вступил, как тогда говорили, во внебрачную связь с местной крестьянкой, и та родила мальчика, но сама умерла при родах. Мальчика назвали Мишей, он воспитывался в семье кузнеца, у которого и без того детей было мал мала меньше.

Княгиня, увидев белобрысого улыбочивого шестилетнего мальчугана, да к тому же смышлёного, ясноглазого, сразу же привязалась к нему. В селе она открыла школу. Мишутка с первых дней, как губка, впитывал научные знания, проявлял усердие и очень быстро стал выделяться среди других. Мария Клавдиевна втихомолку смахивала слезу, приговаривая: «Всё же гены дают свои плоды». Долгое время Михаилу Тенишеву-младшему не давал покоя вопрос: почему княгиня так привязалась к мальчику, его будущему отцу? Может, потому, что распознала слухи о том, будто и сама Мария Клавдиевна – незаконнорождённая дочь дворянки, которая чуть ли не с царём Александром II имела близкие отношения?

Когда парень подрос и принял твёрдое решение стать военным (хотел расти самостоятельным и никому не быть в тягость), княгиня отправилась в Орёл, где её давний знакомый, генерал-майор Светлицкий, возглавлял ставший к тому времени знаменитым Орловский Бахтина кадетский корпус. Она знала, что ещё

в 1835 году отставной помещик, полковник Михаил Петрович Бахтин, на собственные средства основал кадетский корпус. Император Николай I принял в качестве пожертвования полтора миллиона рублей на учреждение в Орле корпуса Бахтина и произвёл того в генерал-майоры. Это учебное заведение за короткое время стало одним из лучших в империи.

Светлицкий поначалу замаялся, потому как было принято принимать на обучение только детей из потомственных дворянских семей или сирот офицеров русской армии. Княгиня тут же решила эту проблему: она записала мальчика на свою фамилию как приёмного сына.

Но вскоре Марию Клавдиевну ожидал удар: Вячеслав Николаевич скоропостижно скончался в Париже от болезней печени и сердца. Княгиня решила забальзамировать тело и перевезла прах в имение Талашкино под Смоленском, где они тогда жили. Для этой цели быстро построили храм Святого Духа, Рерих украсил его своей росписью. Гроб был захоронен в подклети храма и покоился там вплоть до революции-переворота, покуда местные варвары, покуражившись, не разбили гробницу, перевернув всё вверх дном. Приехали милиционеры, извлекли тело из крипты (некоторые свидетели говорили, что оно было обезображено), уложили вместе с доской на дровни и повезли к сельскому кладбищу. Там вырыли неглубокую яму и сбросили в неё останки. Согнутое тело упало головой вниз. Сверху положили чёрную доску и присыпали её землёй со снегом. Было это зимой 1923 года. Хочется думать, что Мария Клавдиевна, уже находясь в эмиграции, не узнала, что случилось с телом её мужа-благотворителя, что стало с храмом Духа...

Михал Михалыч шёл неторопливо домой через Александровский мост и мысленно перечитывал свои архивные записи, которые пропали в годы войны, но надёжно запеклись в памяти. Уже возле дома, где его, вдовца, никто не ждал, сел на скамейку передохнуть и глубоко задумался.

Миша сокрушался, что поздно поступил в Московский университет (не знал о возможности сдавать экзамены экстерном), но навёрстывал упущенные годы с жадностью алчущего: дни и ночи пропадал в аудиториях на лекциях, успевал поглощать книги сразу в пяти библиотеках столицы, завёл немало познавательных знакомств, с молодыми дипломатами оттачивал произношение немецкого и английского языков. К тому же не пропускал ни одного более-менее интересного литературного мероприятия, по приглашению захаживал в редакции журналов и издательства. При этом душа разрывалась не от дикой загруженности, потому что всё ему было интересно, а от предстоящего выбора: чему посвятить жизнь после окончания университета?

Как-то после зимней сессии, приехав в Орёл отдохнуть, Михаил мимоходом узнал, что в окружном Доме Красной армии на Полесской состоится поэтический вечер, и поспешил туда – отвлечься от напряжённых студенческих будней и послушать стихи, к которым он питал особую слабость. Но свои вирши стыдливо прятал в стол, не собираясь соперничать с более маститыми поэтами.

В просторном фойе уже собралось немало народа: офицеры со своими нафталиново-разодетыми дамами, раскованная молодёжь старшего школьного возраста и бывшие, судя по вызывающе небрежным аксессуарам в одежде, имажинисты, подражающие Есенину, Мариенгофу, а чуть в отдалении – сторонящиеся их ретродекаденты. Разнородная публика вызвала снисходительную улыбку. Но, тем не менее, в душе молодого литератора теплилась надежда услышать что-то стоящее, новое. Застенчивые девушки с исписанными листками, нервно переминающиеся возле окна, наверняка собираются поделиться этим новым со сцены, если им, конечно, позволят. Одна из них – курносая, с короткой стрижкой, в неброской застиранной кофточке с мамино плеча – нервничала больше всех и не заметила, как налетела на Михаила, едва не сбив его с ног.

– Ой, простите, – покраснела девушка и начала зачем-то отряхивать его пиджак, как будто он испачкался от побеленной стены.

– Ну что вы, не стоит, – Михаил широко улыбался, девушка ему сразу и безрассудно понравилась, – мне не больно, а даже... приятно.

Она ещё больше засмушалась, но протянула руку для знакомства и еле слышно произнесла:

– Лида Смирнова, студентка-первокурсница Орловского пединститута.

– Так мы, выходит, почти коллеги, – рассмеялся парень, – я тоже студент, оканчиваю Московский университет. Михаил Тенишев.

– Вы тоже математик?

– Нет, я гуманитарий.

– Стихи пишете?

– Нет, скорее, прозу. А вы здесь часто бываете?

– Подруга Сима уговорила, она у нас с ума сходит по Есенину, сама пишет понемногу, здесь пару раз уже выступала. Я у неё в группе поддержки.

– Так, товарищи, хватит курить! Заходите, начинаем, – раздался властный голос кого-то из организаторов. – Всех записавшихся прошу подойти ко мне.

– А вы, Лида, читать не будете? – Михаилу казалось, что он тысячу лет знает эту обаятельную студентку, которая затмила весь предстоящий литературный вечер: ему уже не хотелось слушать доморожденных пиитов, он желал остаться наедине с очаровательной девушкой и говорить, говорить...

– Я смотрю, вы, Михаил, не очень-то торопитесь занимать места, у нас тут не до столичного этикета, – лучистая улыбка Лидии расхрабрила гуманитария.

– Предлагаю не проходить в зал, а послушать здесь, в дверях, – изрёк Михаил. – А не понравится, можем удалиться на свежий воздух. Я, признаться, в московских аудиториях с утра до ночи пропадаю и практически не замечаю прелестей природы.

– А я люблю на лыжах кататься, – Лида отстранилась, пропуская напирających людей. Недовольно простонала, когда её ещё дальше отделили от нового знакомого: губки лихорадочно задрожали, в глазах заметался испуг.

– Давайте выйдем, а то затопчут любители стихосложения! – Михаил решительно протянул руки, рассекая толпу, поймал запястья Лидии и рывком привлёк её к себе. Они стукнулись лбами, их тела буквально сплющили возбуждённые зрители, желающие занять места в партере.

Молодые люди замерли на мгновение, озаряя друг друга взглядами. И Михаил понял, что они уже не расстанутся никогда...

Вскоре поженились. Сняли комнату на Пушкинской. Родилась очаровательная Анечка. Пока жена доучивалась в институте, Михаил с удовольствием занимался домашними делами, подолгу выгуливал дочку вдоль Оки, рассказывая сказки и легенды, которые очень нравились смышленной девочке с большими голубыми глазами и волнистыми соломенными волосами.

Летом они катались на лодочке, осенью пробирались вдоль скалистого берега Орлика в заброшенные сады, где продолжалось познание мира. Папа, надо заметить, оказался не только начитанным, но и увлечённым педагогом.

Домой они возвращались с огромным гербарием, и Анечка взахлёб рассказывала маме о своих новых открытиях, будь то трудолюбивая и загадочная жизнь лесных муравьёв или немного пугающие энергичные всплески крупной рыбы в речке.

Казалось, эта пасторальная житейская музыка не будет иметь конца.

Но у войны оказались свои планы...

Конец ознакомительного фрагмента

Командировка на войну

Путевые заметки журналиста RTVI из Донбасса

Продолжение. Начало в № 61

Денис ВОЛИН

«Противник был не прочь нас убить»: как московский ресторатор печёт пиццу на передовой

Хлеб собственного производства, фирменная пицца и курьерская доставка до боевых позиций. Спецкор RTVI побывал на «Кухне Z» добровольческой бригады «Эспаньола» и выяснил, зачем владелец и повара ресторана тexasской кухни заключили контракт и отправились в зону СВО на Донбасс.

На «Кухню Z» корреспондент RTVI попал совершенно случайно. Было обеденное время, я ошивался где-то в располге (за что получил заслуженный нагоняй от начитаба), и один из бойцов «Эспаньолы» предложил перекусить.

— Хлеб, кстати, сами печём, — сказал он, — так что обязательно попробуй.

После рассольника с изумительным по вкусу свежим хлебом интересуюсь:

— А где же вы его печёте?

— Да тут, за углом, пойдём, зайдём в гости.

В небольшом помещении, над входом в которое красуется надпись «Кухня Z», меня встретил Зоркий — в этот момент он как раз доставал ароматное тесто.

— Слушай, — сказал он, — а давай видео запишем!

— А давай!

Весь процесс приготовления Зоркий с увлечённостью истового кулинара объяснял каждую деталь, погружался в рецептуру и наслаждался своим делом. Когда он достал свежий хлеб из печи, сказал:

— А вот историю нашей кухни тебе расскажет ВВ. Хотя он и мой брат, всё же основателем всего этого является он. Так что и рассказывать ему.

Вскоре мы познакомились с ВВ и поговорили не только о кулинарии, но и о боевых действиях. Всё же работники кухни в зоне СВО — это тоже военные на контракте.

— ВВ, как родилась идея создания «Кухни Z»?

— Идея родилась спонтанно, быстро, мгновенно. Эмблему «Кухни Z» нарисовал в чате GPT буквально за 20 минут. Катализатором создания кухни послужило то, что у меня один из побочных бизнесов — кафе, тexasская кухня. Иногда мы участвовали в различных гастрономических фестивалях, бургеры жарили и так далее. Это больше был угар и никогда не было заработком. Просто хобби.

И когда наши знакомые уехали на СВО буквально сразу после её начала, мы стали получать от них тревожные сигналы о том, что есть проблемы со снабжением и кормят в общем-то хреново. Мы стали думать, как помочь. Стали готовить в наших печах мясо, упаковывать в вакуум и отправлять нашим пацанам. Но в какой-то момент сигналов с передка стало больше. И тогда мы решили уже сами поехать и разобраться, что там вообще происходит. Так мы и оказались в ДНР. Там у нас было больше всего друзей и знакомых, хотя сам я до этого в республике никогда не был.

А чтобы не ехать вхолостую, взяли с собой фуд-трак и печь. Решили, что на месте уже закупим еды для готовки и прокатимся по бедовым местам, познакомимся получше с людьми и

проведём бесплатные фестивали еды. Назвались «Кухней Z», особо не заморачиваясь. Это я, мои партнёры из Челябинска, с которыми мы ведём совместные проекты в Москве, а также несколько друзей: мой шеф-повар с тexasской кухни, два повара. Всего шесть-семь человек.

В ДНР мы согласовали свой маршрут с республиканским правительством. Нам сразу сказали, что мы пизанутые. Но позже перезвонили: мол, если вы всё это будете делать за свои деньги, то давайте действуйте.

— А как попали-то в «Эспаньолу»?

— Во время поездки по самым злчным местам встретились с «Эспаньолой». Затусовались с ними. И эта встреча, честно говоря, заставила по-другому взглянуть на армию. Я сам, например, служил срочку. А в «Эспаньоле» было всё устроено совершенно иначе. Без армейщины и прочих негативных факторов. Тут собрались люди с высоким IQ, заряженные единым духом, все адекватные, здоровые — трезвые! Фанаты разных команд со всей страны. Да были даже и неолокофутбольные люди. Это была весна 2023 года.

— Испанец вас позвал?

— Да, мы тогда и познакомились с Испанцем. Он говорит: ну что, может, организуете нам питание тут, да и вообще — вставайте на контракт. Что вы, дескать, будете по республике мотаться, как сироты. Я ответил, что готов и моя команда тоже. С удовольствием, говорю, останемся. Ударили по рукам, подписали контракты и влились в «Эспаньолу». И вот так я уже пять контрактов подряд организовываю питание бригады.

— Подразделению ваша кухня понравилась?

— Судьи все основные — наши ребята. Вроде сильно не жаловались никогда. Мы держим масть. Думаю, у нас одно из лучших питаний среди многих. Потому что мы ко всему подходим индивидуально, а задачи решаем нестандартно. У нас и на переднем крае было организовано горячее трёхразовое питание с доставкой по нашим пунктам временной дислокации. Не говоря уже о том, что в тылу достаточно хороший и разнообразный рацион. Ну, что я сам буду рассказывать. Можете сами поспрашивать тех, кто у нас был в гостях, как им.

— Я был. Рассольник с вашим фирменным хлебом — истине великолепны. Кстати, а что ещё есть в ассортименте?

— Пекарня — это было последнее, наверное, что я внедрил здесь, на базе нашего отряда. Потому что были истории, когда РДК* нас пытались отравить, гуманитарку травить пытались, плюс со смежниками мы пересекались, они тоже рассказывали разные истории, связанные с питанием. Да и вообще я ревностно отношусь к получению готовой продукции от сторонних производителей. Потому что мы никогда не знаем всю логистическую и производственную цепочки. А учитывая, что наш враг в данном случае проигрывает на поле битвы, он явно будет хотеть очень сильно победить хотя бы в медийном поле. Так что пекарня — это про безопасность.

Теперь об ассортименте. У нас хорошая собственная рецептура хлеба: печём как чёрный, так и белый. Также мы печём пиццу, пирожки, гамбургеры. Если позволяет погода, — потому что внешние условия сильно влияют на возможность доставки отдельной готовой продукции до переднего края, — то доставляем прямо на передок. Кстати, мы никогда не организовывали сборов на свою кухню. Стараемся самостоятельно проводить все наши, в том числе социальные, мероприятия.

— Вижу, у вас на стене много различных грамот. Мариуполь, Макеевка, Шахтёрск...

— За последние два с половиной года мы провели более 20 мероприятий для детей и молодёжи республики, связанных со спортом, образованием и развлечениями. Опыт организации мероприятий у нас был до СВО. И здесь, видя, что бюджеты сейчас расходуются на другие вещи, мы решили поддержать развитие спорта и других молодёжных направлений, которые пока буксуют в ДНР. И опять же, это мягкая дипломатия. Мы показываем всем тем людям, которые, возможно, видели в нас агрессоров, что мы адекватные и здоровые. Недавно вот проводили турнир по кикбоксингу, например. Круто, что у нас есть возможность всем этим заниматься.

— А были в вашей работе какие-то экстремальные ситуации?

— Были, конечно. И под обстрелы попадали, и под FPV-дроны. По большей части все «приколы» случались на подъезде к позициям, либо при выезде. В Бахмуте работали в подвале — по нам там неплохо наваливали.

— Ну, давайте тогда какую-нибудь историю вспомним?

— В Светлодарске в 2023 году мы заняли городской бассейн. Его никому тогда не хотели давать, думали, что размордёрят. Но я как-то убедил людей, что мы ребята нормальные. А тогда уже по фронту ходил слух, что где-то тут базируется кух-

ня «Эспаньолы» и обеспечивает её питанием. В общем, противник был не прочь нас убить. Поэтому, заезжая в бассейн, мы разработали такую легенду, что у нас здесь волонтёрский центр, условно, «Василёк». На улице выставили котлы. Внутри организовали склад с продовольствием. Частично готовили на улице. Одевались как какие-то босяки. Оружие, естественно, попрятали.

Я, как комендант этой базы, нашёл уборщицу, которая ещё года два назад убирала этот бассейн, и нанял её снова. Наша служба безопасности знала, что она «постукивает», и мы намеренно оставляли приоткрытыми двери в некоторые не столь важные места, куда в принципе прилёт мог пройти без особого риска для нас. И вот пока она скребла шваброй по полу, прямо под ним работал наш цех, который в это самое время разбирал первую «Бабу Ягу», которую мы сбили где-то в Клевсеевке. Там же, под бассейном, собирались наши FPV-дроны и складировались БК. Короче, там прямо всё совсем конкретно было заряжено. Прожили мы под своей легендой на этой базе месяца три.

И самое интересное и печальное, что как только мы оттуда съехали, законсервировав там всё, и туда заехали ребята из другого подразделения, в тот же день туда и прилетело. Это к разговору о том, что можно не маскироваться, не прибегать к аккуратному перемещению и прочее. И такое часто случалось. Как только мы откуда-то съезжали, вскоре туда прилетало.

— Давайте, чтобы не завершать разговор на грустной ноте, спрошу о чём-то позитивном. Что сегодня в меню?

— Утром молочная овсянка и гренки с яйцом, на обед — рыбный суп и жареная рыба с рисом, и на ужин — запечённые крылышки с картофелем по-деревенски. Как у нас говорят: сытый солдат, Родины щит!

** организация признана террористической и запрещена в РФ*

Боевые псы готовятся штурмовать позиции ВСУ

Добровольческая бригада «Эспаньола» с первого дня своего существования делает ставку на технологии, инновации и нестандартный подход в подготовке и ведении боевых действий. Одним из примеров такой работы можно считать использование на передке собак-штурмовиков. Спецкор RTVI Денис Волин пообщался с инструкторами бригады и рассказывает, когда четырёхлапые начнут штурмовать укрепления противника и участвовать в зачистках.

Впервые о том, что «Эспаньола» ведёт подготовку собак-штурмовиков, корреспонденту RTVI стало известно ещё весной 2025 года.

— А ты знаешь, что у нас собак для штурмов готовят? — как бы невзначай, во время обеда в одном из центров подготовки операторов БПЛА, сказал мне замполит бригады с позывным Мост.

— Да ладно! — поперхнувшись, ответил я.

Когда удивление прошло, первым делом подумал о чём-то крайне негуманном. Наверняка, думаю, речь идёт о собаках-камикадзе, которых, начинив взрывчаткой, эти отвязные парни с жёстким окологрунтовым бэкграундом решили отправлять на верную смерть.

Мост поспешил развеять мои крамольные мысли, которые я тут же ему и озвучил:

— Ты плохого о нас мнения. Идея как раз в том, чтобы собака во время штурма сохранила жизнь не только бойцам, но и сама осталась жива.

С тех пор я искал случая, чтобы узнать о подготовке штурмовых псов как можно больше. И такой случай подвернулся летом во время командировки на Донбасс.

В распоряжении одного из подразделений «Эспаньолы» я познакомился с бойцом с позывным Пастух. Вообще он пулемётчик, но в последнее время — работает вожатым у собак-сапёров. У «Эспаньолы» есть и такие. Пастух рассказал, что четырёхлапых штурмовиков в бригаде готовят уже несколько месяцев.

Говорить об отправке собак на передок пока рано, но — факт есть факт.

— Пока собаки «сырые». Они только-только первые азы осваивают, — рассказал Пастух и уточнил, что, насколько ему известно, речь идёт о трёх-четырёх собаках.

— А такого количества хватит? — удивился я.

— Да там одной собаки может вполне хватить! — говорит Пастух. — Ты представь просто. Если собака в блиндаж забежала, она уже наведёт там такой кипеш, что мало никому не покажется!

— Будет просто шок! — подхватил ещё один боец, находившийся в этот момент рядом с нами.

После этого разговора история заинтриговала ещё больше. И в конце концов мне удалось поговорить с инструктором непосредственно штурмовых псов — Айболитом. Он почти двадцать лет работает ветеринарным врачом-хирургом. До начала СВО работал в сети московских клиник, а после её начала пришёл служить в медгруппу «Эспаньоль».

— Эта идея [подготовка собак-штурмовиков] принадлежит нашему командиру Испанцу и кинологу Василию Зайцеву с коллективом добровольцев из Зеленограда, которые с 2022 года помогают военным кинологам: лечат безвозмездно слу-

жебных собак в зоне СВО. С последними мы познакомились на курсе по ветеринарной тактической медицине, который ребята читали в Мариуполе, — рассказал собеседник RTVI.

По словам Айболита, для реализации идеи исполнителей искать не пришлось. Команда зеленоградского ветеринарного центра Polivet взяла на себя обязательства по организации в бригаде кинологического отделения и воспитанию служебных собак, и уже в середине июня 2025 года проект заработал. Были закуплены собаки и началась подготовка по ускоренной программе.

По словам Айболита, лучше всего необходимой для штурмовых действий подготовке поддаются немецкая овчарка кинологического разведения с серым окрасом, а также бельгийская овчарка малинуа. Последнюю Айболит называет самым оптимальным вариантом. Но помимо них в «Эспаньоле» пробуют работать и с нестандартными породами — например, ягдтерьерами.

— Собачки хорошо обучаемы. Они принадлежат к нормным охотничьим породам, — говорит Айболит. — По задумке нашего командира, собака должна влететь в окоп неприятеля. Доставлять её планируется на мотоцикле и запускать в блиндаж, где она наведёт кучу шороха, чтобы выиграть для наших бойцов хотя бы несколько секунд для взятия окопа или блиндажа. Поверьте, этого достаточно.

Неверное, для многих не будет секретом, что во время Великой Отечественной войны Красная армия тоже использовала собак на фронте. В СССР даже существовала Центральная школа служебного собаководства. Она готовила собак-подрывников, собак-диверсантов, санитаров и миноискателей. Всего на фронтах ВОВ были задействованы десятки тысяч собак.

Сейчас «Эспаньола» по сути возрождает это дело. Айболит и сам говорит, что советская школа подготовки собак, конечно же, используется и ими в своей работе. Однако основной упор делается на те задачи, которые ставит командир «Эспаньолы» и непосредственные командиры на местах — то есть методики подготовки в любом случае инновационные, и должны соответствовать реалиям современных боевых действий.

Собаки в подразделении на начальной стадии проходят общую кинологическую программу. Начинается всё с подбора собаки с учётом её психологических качеств. Потому что собак «эспаньоловцы» планируют применять не только в штурмах, но и в гуманитарном разминировании. Четырёхлапый боец должен уметь искать взрывчатые вещества, людей под завалами, доставлять стропы раненым и прочее.

Подготовка одной собаки длится от шести до восьми месяцев на базе в Зеленограде. Далее проводник из «Эспаньолы» приезжает на слаживание, или, иными словами, — обучение бойца основам работы с служебной собакой. Потом несколько месяцев собаку будут «дошлифовывать» вблизи линии боевого соприкосновения кинологи.

— Если мы, например, говорим про поиск, то на гражданке собак учат на имитаторах запахов взрывных веществ. Если говорим про штурма, то собаку нужно обстрелять, она должна привыкнуть к звуку работающей техники, к выстрелам, взрывам, запахам, крикам и прочим стресс-факторам. Это всё делается на полигоне. Это ещё порядка двух месяцев подготовки для выполнения боевых задач, — объясняет Айболит.

Кстати, штурмовых псов можно будет использовать и при зачистке.

— Когда уже взяли опорный пункт или здание — всегда есть противник, который просто затаился. В этом случае собака должна просигнализировать и самостоятельно атаковать, — говорит Айболит.

— В этом плане собаки замечательно себя показывают, они очень хорошо участвуют в зачистке.

Кроме того, добавил собеседник RTVI, собаки «Эспаньолы» будут участвовать в поиске взрывчатых веществ. Над этим как раз сейчас работает Пастух.

— Натаскать собаку на взрывчатку — очень трудоёмкий процесс, — говорит он. — Сначала идёт привязка к запаху. Потом собаку учат правильно сигнализировать при столкновении с запахом взрывчатки. Это всегда поза: собака должна либо лечь, либо сесть. Голос исключается, сами понимаете, — работать часто приходится в тишине, чтобы не быть обнаруженными врагом. Чтобы собаки не лаяли, используем привязку с помощью кликера, вырабатываем именно сигнальную позу.

Запахи отрабатываются разные: и С-4, и «монка», или МОН-50, мина направленного действия, и другие. При этом надо понимать, что запах взрывчатки в зоне боевых действий в воздухе витает постоянно. Собака должна определять конкретный предмет. И подавать сигнал. Пастух рассказывает, что в процессе подготовки собаки не перестают его удивлять.

— Иногда готовишь собаку на одну взрывчатку, а потом думаешь: а дай я просто попробую дать другую. Получается, что на незнакомый запах она лучше работает, чем на тот, на который её тренируешь. Был случай, когда положишь имитатор взрывчатки. Собака обнаружит, сигнальную позу сделает — ну, всё как положено! Думаешь, вот молодчина. А у неё на радостях, видимо, что-то перемыкает и она начинает с имитатором играть. Ты хватаешься за голову — ну, блин. Подняла всех в воздух, получается! — рассказывает Пастух.

В свою очередь Айболит добавляет, что сейчас, в эпоху «войны дронов», собак в «Эспаньоле» начинают натаскивать и на «птичек». И у этого есть своя веская причина.

— Скажем, как только появились «птицы» на оптоволоконе — детекторы дронов стали неактуальны. А собака слышит дрон до того, как его обнаружит человек. Сейчас такая подготовка у нас находится в стадии эксперимента, только начинаем обучать собачек, — говорит Айболит.

Возвращаясь к собакам-штурмовикам, важно сказать, что сохранение жизни животного — тоже в приоритете у бойцов. Зеленоградские волонтеры, кстати, разработали и передали «Эспаньоле» вместе со служебными собаками и спецсредства: поводок, ошейник, а также защитную шлейку, которая может быть выполнена и в виде бронезилета для собаки.

— Да, собака должна прежде всего спасти человека. Но все наши собаки тренируются для того, чтобы и самим остаться живыми, — объясняет Айболит. — Когда во время штурма собака нападает на противника, он находится в замешательстве, а его напарники не могут открыть огонь по собаке, потому что собака в него вцепилась и он тоже находится в зоне поражения. В окопе переполах. Ну и из своих, разумеется, по собаке тоже никто огонь открывать не будет.

По словам Айболита здесь работает просто охотничий принцип: собака вцепилась в кабана, и все охотники стреляют по кабану, а не по собаке.

— Безусловно, собака будет находиться в зоне колоссального риска. Но это такой ресурс, на подготовку которого тратится уйма времени, поэтому не предполагается, чтобы он был одноразовым, — также говорит Айболит. — Да, мы знаем про гуманизм, но, что тоже важно, для нас в приоритете прежде всего человеческая жизнь, жизнь нашего бойца.

В конце интересуюсь у Айболита, когда ждать первых псов-штурмовиков на передке. Он отвечает: «Когда командир отдаст приказ. Мы всегда готовы».